

Это вовсе не романъ, а правдивая исторія женщины, слывшей очень неискренней, исторія, посвященная ей врагамъ.

Глава первая, служащая предисловіемъ и введеніемъ.

*) Хотятъ, чтобы я писала, чтобы мое произведеніе было напечатано, полагая, что я обладаю всѣмъ необходимымъ для этого, и я готова этому вѣрить; я давно томлюсь желаніемъ писать, самолюбія у меня достаточно, въ свое время въ дѣтствѣ мнѣ часто приходилось удачно возражать, почему я и считалась милой, очень умной дѣвочкой; достигнувъ зрѣлаго возраста и особенно теперь, когда быстрыми шагами приближаюсь къ старости, различныя обстоятельства принуждаютъ меня жить въ полномъ уединеніи, почти никого не видя; мое тщеславіе сильно страдаетъ оттого, что обо мнѣ такъ много говорили въ то время, когда я была полнымъ ничтожествомъ, а теперь обо мнѣ совсѣмъ забыли. Мнѣ хотѣлось бы воскресить свои воспоминанія и доказать тѣмъ, которые прочтутъ ихъ, что маленькая дѣвочка, ребенкомъ забавлявшая ихъ своими отвѣтами, можетъ и теперь быть занимательной, что не напрасно дали они ей названіе умной дѣвушки; боюсь что это мнѣ не удастся, я почти увѣрена въ этомъ, мое тщеславіе или, лучше, самолюбіе помѣшаетъ мнѣ выпустить свою книгу въ свѣтъ; она не появится въ печати. А все таки она будетъ написана! Время посвященное этому занятію, отгонитъ прочь минуты скуки.

*) Екатерина Ивановна Вадковская старшая дочь графа Ивана Григорьевича Чернышова, фельдмаршала по флоту (1726—1797 г.г.) отъ второго брака его съ Анной Алексѣевной Исленевой, была пожалована во Фрейлны къ Государынѣ Императрицѣ Екатериной II-ой въ 1778 г. Она вышла замужъ 2-го Сентября 1789 г. за Фед. Фед. Вадковского, дѣйствительнаго Камергера, любимца Великаго Князя Павла Петровича. Въ печатаемомъ ниже „романѣ“ Е. И. Вадковской, по имѣющимся даннымъ, нельзя не усмотрѣть нѣкоторыхъ чертъ автобіографическаго свойства. Намъ удалось опредѣлить годъ рожденія Е. И. Вадковской, ранѣе неизвѣстный—28-ое Іюля 1766 г. Годъ смерти и мѣсто вѣчнаго упокоенія неизвѣстны.

П. Б. (младшій).

Ce n'est point un roman, mais l'histoire
bien vraie d'une personne crue très fausse
dédiée à ses ennemis.

Chapitre premier qui sert de préface et d'introduction.

On veut que j'écrive, on veut me faire imprimer, on prétend que j'ai pour cela tout ce qui est nécessaire, je suis très portée à le croire; depuis longtemps je suis tourmentée du désir d'écrire, j'ai une très forte dose d'amour-propre; dans mon enfance des réparties assez vives et faites assez à propos m'ont donné la réputation d'une petite fille très gentille, bien spirituelle; entrée dans l'âge de raison et surtout depuis que je m'approche à grands pas de celui où l'on commence à la perdre, différentes circonstances m'ont mise dans le cas de vivre fort séquestrée, de ne voir presque personne; ma vanité souffre bien cruellement de n'avoir fait parler de moi que dans le temps où je n'étais rien encore, et de me voir entièrement oubliée en ce moment. Je veux donc réveiller mes souvenirs et voudrais bien pouvoir prouver à ceux qui me liront que la petite fille qui les amusait par ses réponses lorsqu'elle n'était qu'une enfant peut encore les intéresser et n'a pas entièrement usurpé le titre qu'on a bien voulu lui donner. Je crains d'échouer, j'en suis même presque sûre, ma vanité et pour mieux dire mon amour-propre m'empêchera de produire mon livre; il ne paraîtra pas. Eh bien! je l'aurai écrit. Le temps que je consacrerai à cette occupation sera autant d'instantanés enlevés à l'ennui.

Histoire très vraie d'une personne crue très fausse.

Chapitre II.

Il ne suffit pas de vouloir écrire, encore faut-il savoir quoi; je crois qu'un roman est plus aisé à faire, on laisse aller son imagination, il y a tant d'incidents, de différents personnages, qu'en en ne l'écrivant pas de suite, mais par fragments, et suivant l'humeur dont je serai, faire les portraits de mes héros, je pourrai peut-être le rendre suppor-

Правдивая исторія женщины, которую считали очень лживой.

Глава II.

Одного желанія писать мало, нужно знать то, о чемъ пишешь; я думаю, что написать романъ гораздо легче, можно дать просторъ воображенію, есть столько событій, разныхъ дѣйствующихъ лицъ, что описывая ихъ даже не подъ рядъ, а отрывками, согласно своему настроенію, написавъ портреты своихъ героевъ, мнѣ можетъ быть удастся сдѣлать свой рассказъ сноснымъ; моя героиня будетъ благородна, хорошо воспитана, у нея будетъ многое, но не все, что ей нужно; я такъ боюсь совершенства, о немъ такъ много говорятъ, и никогда его не достигаютъ. О, нѣтъ, она не будетъ совершенствомъ, она будетъ дѣлать глупости, будетъ немного неблагоразумна и даже безразсудна, но ей ни въ чемъ не придется серьезно упрекать себя, она будетъ добра, даже очень добра; я буду больше любить ее въ тотъ день, когда заставлю ее сдѣлать доброе дѣло, и сама я отъ этого стану лучше;—для того, чтобы еще больше почувствовать себя ея матерью, нужно, чтобы она была немного похожа на меня; поэтому она будетъ очень восторженна, горяча, сумасбродна, часто будетъ дѣлать поступки, въ которыхъ сейчасъ же будетъ раскаиваться, и только въ этомъ будетъ заключаться ея сходство со мною. Я не хочу написать свой собственный портретъ, мнѣ все равно не повѣрятъ, меня не узнаютъ въ немъ, но только строже осудятъ. Что касается моего героя, то человѣкъ, котораго я такъ любила, такъ нѣжно любила, послужить мнѣ образцомъ, но не во всемъ; возрастъ, опытность и особенности моего знакомства съ нимъ заставляютъ меня нѣсколько измѣнить его характеръ и нравъ, а что касается остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, то я такъ много видѣла людей, что мнѣ остается только написать ихъ портреты, такъ какъ я не умѣю рисовать. Смѣлое начинаніе, но чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ лучше для меня. Я говорила, что самолюбіе мое страдаетъ; если придется потерпѣть неудачу, я можетъ быть сдѣлаюсь скромной. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Отчего бы моей родинѣ не быть мѣстомъ дѣйствія, отчизной моей героини; правда, тамъ холодно, но сердца тамъ горячи, даже пылки. Кромѣ того, Россія не ограничивается Петербургомъ, а моя героиня, если я отправлю ее даже подъ 60°, развѣ она не сможетъ, катаясь съ ледяной горы, наслаждаться счастьемъ любить и быть любимой! Наконецъ, что же помѣшаетъ мнѣ отправить ее путешествовать, проѣхать по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я сама была, гдѣ меня такъ радушно встрѣчали; чувство благодарности заставляеть меня безъ конца говорить объ этомъ. Итакъ, моя героиня увидитъ эти

table; d'abord mon héroïne sera bien née, bien élevée, elle aura beaucoup pour elle, mais pas tout; je crains trop la perfection, on en parle tant sans jamais y atteindre. Oh! non, elle ne sera pas parfaite, elle fera des sottises, des étourderies même, de légères imprudences, mais elle n'aura rien de grave à se reprocher, elle sera bonne, bien bonne même; je m'aimerai mieux le jour où je lui aurai fait faire quelque bonne action, je m'en croirai meilleure; pour que je sois plus sûre encore d'être sa mère. il faut bien qu'elle me ressemble un peu; elle aura pour cet effet beaucoup d'exaltation, une mauvaise tête, bien vive, qui souvent lui fera faire des démarches dont elle se repentira l'instant même, elle ne me ressemblera qu'en cela. Je ne veux point me peindre, on ne me croirait pas, on ne m'en connaîtrait pas mieux, mais on m'en jugerait plus mal. Pour mon héros, celui que j'ai aimé, tant aimé, si bien aimé, sera mon modèle, mais pas en tout, l'âge, l'expérience, et la manière dont je l'ai connu me feront faire quelques changements à son caractère et à son humeur, quant à mes autres acteurs, j'ai tant connu de monde que je n'aurai qu'à peindre, moi qui ne sais pas dessiner. C'est une entreprise hardie, mais plus elle l'est plus elle me convient. Je l'ai annoncé, mon amour-propre est désordonné; je ne réussirai pas, peut-être deviendrai-je modeste. Il vaut mieux tard que jamais. Pourquoi mon pays ne serait-il pas le lieu de la scène, la patrie de mon héroïne; il y fait froid, cela est vrai. mais les cœurs y sont chauds, brûlants même. D'ailleurs la Russie n'est point concentrée dans Saint-Pétersbourg, et quand même je la placerais au soixantième degré, ne pourrait-elle pas, tout en glissant d'une montagne de glace, jouir du bonheur d'aimer et d'être aimée! Ensuite qui m'empêche de la faire voyager, de lui faire parcourir les endroits où j'ai été, où on m'a accueillie avec tant de bonté; la reconnaissance me porte à en parler sans cesse. Eh bien! mon héroïne les verra, elle sera heureuse à son tour, puissé-je lui donner le talent d'exprimer ce que je sens si bien. Elle est donc Russe. née à Pétersbourg et se nomme Sophie.

Voyons ce qu'étaient ses parents. Le Comte Alexandre de Genitovskoy, d'une des plus grandes maisons de Russie, fut marié deux fois; dans l'espace de moins d'un an il perdit sa première femme et quatre enfants qu'il en avait eus; de chagrin, de désespoir il voulut faire un voyage à une de ses terres en Sibérie, terre qu'il tenait des bienfaits de sa souveraine dont sa femme était parente. Mais en passant par Moscou, il y vit Mademoiselle de Savaerinoff qui était d'une beauté parfaite; il en devint éperdument amoureux. la demanda en mariage et l'obtint aisément, car quoi que fille d'un très bon gentilhomme, sa

мѣста, она будетъ въ свою очередь счастлива, если только мнѣ удастся заставить ее высказать то, что я такъ ясно чувствую. И вотъ она русская, родилась въ Петербургѣ, зовутъ ее *Софіей*.

Посмотримъ, кто были ея родители. Графъ Александръ Женитовскій, родомъ изъ лучшей русской семьи, былъ женатъ два раза; менѣе чѣмъ въ годичный срокъ онъ потерялъ первую жену и четырехъ дѣтей, которыхъ имѣлъ отъ нея; съ горя и отчаянія онъ пожелалъ отправиться путешествовать въ одно изъ своихъ сибирскихъ имѣній, полученныхъ имъ отъ Государыни, которой жена его приходилась родственницей. Но проѣздомъ, въ Москвѣ, онъ увидѣлъ дѣвицу Савѣринову, замѣчательную красавицу; безумно влюбился въ нее, сдѣлалъ предложеніе и легко получилъ согласіе, такъ какъ, хотя она и происходила изъ хорошей дворянской семьи, средства ея были очень ограничены и родители ея никакъ ни ожидали такой блестящей участи для своей дочери;—итакъ онъ раздумалъ ѣхать осматривать свои помѣстья, а представилъ свою молодую и красивую супругу къ Петербургскому Двору, гдѣ красота ея надѣлала много шума; у нихъ было нѣсколько чело-вѣкъ дѣтей, Софія была четвертая, и пока старшія были живы, о ней мало заботились; ее помѣстили отдѣльно отъ другихъ и посылали за нею только для того, чтобы по прихоти братьевъ и сестеръ забавлять ихъ. У Графа Александра былъ старшій братъ, Графъ Сергѣй Женитовскій, чело-вѣкъ рѣдкаго ума и характера; онъ одинъ любилъ Софи и заступался за нее; просилъ родителей отдать ему ее, хотѣлъ ее усыновить, потому что, хотя и былъ давно женатъ, но дѣтей не имѣлъ и не надѣялся имѣть ихъ. Графъ Александръ уже соглашался отдать ему свою дочь, какъ умерли двое старшихъ его дѣтей, а послѣдній сынъ заболѣлъ такой тяжелой болѣзнию, что опасались за его жизнь, и пришлось отправить его изъ Россіи въ теплые края, болѣе подходящіе для его слабыхъ легкихъ.

Графъ Александръ былъ назначенъ Посломъ въ Лондонъ, и братъ не захотѣлъ лишать его послѣдняго оставшагося у него ребенка; итакъ, трехлѣтняя Софи узнала своихъ родителей, и вмѣстѣ съ ними поѣхала въ Англію. Дѣтство Софи было очень непродолжительное: ея отецъ, чело-вѣкъ крутого нрава, все доводившій до крайности, такъ страшно полюбилъ ее, что положительно не могъ обойтись безъ нея, и бѣдная малютка, вмѣсто того, чтобы пользоваться свойственными ея возрасту радостями, должна было постоянно раздѣлять удовольствія своего отца. Читателю необходимо познакомиться со страннымъ нравомъ этого необыкновеннаго чело-вѣка. Великодушный, благородный, щедрый до расточительности, восторженный, влюбленный во все красивое, чело-вѣкъ, обладавшій величайшими добродѣтелями, однако вспыльчивость, вспышки гнѣва дѣлали совмѣстную жизнь съ нимъ невыносимой;

fortune était fort bornée et ses parents ne pouvaient s'attendre pour elle à un sort aussi brillant; il abandonna donc le projet de voir ses terres et amena sa jeune et belle épouse à la cour de Saint-Pétersbourg où sa beauté fit le plus grand bruit; ils eurent plusieurs enfants, ma Sophie fut la quatrième, et tant que ses aînés vécurent elle fut fort négligée, on la logea séparément des autres, et on ne la faisait jamais paraître que pour amuser les caprices de ses frères et soeurs. Le Comte Alexandre avait un frère aîné, nommé le Comte Serge de Genitovskoy, homme d'un génie et d'un caractère rare; lui seul protégea et aima Sophie; il la demanda à ses parents, il voulut l'adopter, car quoi que mariée depuis longtemps il n'avait pas eu d'enfante ni n'espérait plus en avoir. Le Comte Alexandre consentait à lui donner sa fille, quand la mort lui enleva deux de ses enfants, et le fils qui lui restait fut attaqué d'une maladie si horrible qu'on désespéra de sa vie et qu'on fut obligé de l'envoyer hors du pays chercher un climat plus chaud et qui convint mieux à la faiblesse de sa poitrine.

Le Comte Alexandre fut nommé ambassadeur à la cour de Londres et son frère ne voulut pas le priver du seul enfant qui lui restait; Sophie à l'âge de trois ans fit donc connaissance avec ses parents et partit avec eux pour l'Angleterre. L'enfance de Sophie fut de bien peu de durée; son père, homme d'un caractère violent et portant toujours tout à l'excès se passionna tellement pour elle qu'il ne pouvait plus s'en passer et que la pauvre petite au lieu de jouir des plaisirs de son âge devait sans cesse contribuer à ceux de son père. Il faut que je fasse connaître le singulier caractère de cet homme extraordinaire. Grand, noble, généreux jusqu'à la prodigalité, enthousiaste, passionné du beau, possédant les plus grandes vertus, son emportement, sa violence, ses fureurs le rendaient insupportable à vivre; son égoïsme étouffait tous ses bons sentiments et cette âme si grande, si noble, n'animait plus que le courtisan le plus bas; l'homme généreux et même prodigue devenait avare, n'aimait que lui, était insensible à tout ce qui n'était pas lui; son esprit était unique; il eût passé pour un génie si cet amour désordonné de lui-même et ses moments de rage ne lui eussent bien souvent fait faire des sottises dont un enfant eût rougi. Voilà le père de ma Sophie. Il eût été parfait s'il fût né quelques années plus tard; à sa naissance, son pays était encore dans les ténèbres. Trop jeune encore il fut son maître; abandonné à lui même dès l'âge de quinze ans, il parcourut l'Europe; rougissant de son ignorance, il chercha à la perdre et devint trop fier de l'éducation que seul il sut se donner; son esprit le servit si bien qu'il suppléa toujours aux connaissances qui lui manquaient.

и себялюбіе заглушало всё добрыя чувства этой великой, благородной души, возбуждая лишь надменные чувства царедворца; щедрый и даже расточительный человекъ становился скупымъ, любилъ только самого себя, дѣлался нечувствительнымъ ко всему тому, что не онъ; у него былъ рѣдкостный умъ; онъ прослылъ бы гениальнымъ, если бы не эта беспорядочная любовь къ самому себѣ и не вспышки гнѣва, заставлявшія его дѣлать глупости, за которыя покраснѣлъ бы малый ребенокъ. Таковъ былъ отецъ моей Софи. Онъ былъ бы совершенствомъ, родился онъ на нѣсколько лѣтъ позже; а когда онъ родился, его отчизна еще блуждала въ потемкахъ. Онъ слишкомъ рано сталъ самостоятельнымъ; пятнадцати лѣтъ отъ роду, предоставленный самому себѣ, онъ объѣздилъ всю Европу; стыдясь своего невѣжества, онъ старался отъ него избавиться и слишкомъ возгордился тѣмъ, что сумѣлъ *самъ* себя воспитать; его природный умъ отлично замѣнялъ ему недостатокъ знаній. Послѣ себя самого, Родина и Государыня были предметами, самыми близкими его сердцу: онъ служилъ имъ съ неутомимымъ рвеніемъ, и умѣлъ отличиться и прославиться вездѣ, гдѣ ему только ни приходилось служить.

Его жена, Графиня Женитовская, была красива, добра, полна нѣжности и ангельской кротости; мужественно выносила физическія страданія, но во всемъ остальномъ была слаба; въ ней не было никакой твердости; къ несчастію, она слишкомъ точно выполняла евангельское предписаніе, требующее отъ женщины полного подчиненія мужу; терпѣніе и покорность, съ которыми она переносила жестокость своего мужа, были причиною несчастія ея и ея дѣтей. Въ первые годы замужества ея красота и страстная любовь Графа помогли бы ей завоевать полную власть надъ супругомъ; она должна была воспользоваться ими, чтобы смягчить и успокоить его нравъ, самый запальчивый, который когда либо существовалъ, и вернуть на путь добродѣтели человека, котораго страсти сбили съ пути.

Графъ Сергѣй Женитовской былъ, можетъ быть, не такъ блестящъ, какъ его братъ; что касается ума, то онъ былъ надѣленъ имъ въ большой степени; онъ родился съ такимъ же характеромъ, но сумѣлъ переломить себя; кромѣ прочихъ добродѣтелей онъ обладалъ одной, довольно рѣдкой—въ любви онъ не былъ себялюбомъ.

Горячность овладѣвала имъ иногда, но раскаяніе тотчасъ же заглаживало нанесенный имъ вредъ; онъ чувствовалъ, что могъ ошибиться, и сію же минуту сознавался въ этомъ. Графъ Александръ считалъ себя непогрѣшимымъ и воображалъ, что своими порывами убѣдить въ этомъ и другихъ.

Я не стану описывать мою Софію, пусть она поступаетъ свободно, шагъ за шагомъ прослѣдимъ ея движенія, ея поступки; посмотримъ,

Après lui-même, son pays et sa souveraine étaient les objets les plus chers à son coeur; il les servit toujours avec un zèle infatigable et partout où il fut employé, il sut se distinguer et se faire honneur.

Sa femme, la Comtesse de Genitovskoy, était belle, était bonne, d'une douceur, d'une patience angéliques; un courage extrême pour les maux physiques, en manquant totalement pour tout le reste; point de fermeté, et malheureusement suivant trop le précepte de l'Évangile qui prescrit à la femme d'être soumise à son mari; elle fit son malheur et celui de ses enfants par la patience et la résignation avec lesquelles elle supportait ses duretés. Durant les premiers temps de leur mariage, sa beauté et l'amour passionné du comte lui auraient donné un pouvoir illimité sur son époux; elle aurait dû s'en servir pour calmer et adoucir le caractère le plus fougueux qui existât jamais et rendre à toutes les vertus un homme égaré par les passions.

Le Comte Serge de Genitovskoy avait peut-être moins de brillant que son frère; pour de l'esprit, il en avait davantage; il naquit avec le même caractère, mais il sut se vaincre; il eut toutes les vertus et encore celle bien rare d'aimer pour l'objet que l'on aime. Sa vivacité l'emportait quelquefois, mais aussitôt son repentir effaçait la peine qu'elle vous avait causée: il sentait qu'il pouvait se tromper et l'avouait à l'instant. Le Comte Alexandre se croyait infailible ou s'imaginait le faire croire aux autres à force d'emportement.

Je ne peindrai point ma Sophie; laissons-la agir librement; suivons pas à pas ses mouvements, ses actions; voyons ses peines, ses plaisirs, ses chagrins; ses malheurs; comment elle supporta les uns et ne succomba pas aux autres; mettons-nous à sa place et jugeons-la alors.

Chapitre III.

J'y ai bien réfléchi, il me faut parler de Sophie; j'ai tant lu de romans, je n'en ai pas vu un seul où l'auteur n'ait fait le portrait de son héroïne. Pour la première fois que j'écris, je n'ai pas le droit de me singulariser. Je ne sais pas nuancer, deux couleurs me suffiront: le blanc pour peindre les bonnes qualités qu'elle peut avoir, son coeur, sa simplicité, sa manière d'aimer; le noir exprimera ses défauts, ses malheurs, de ces deux couleurs je composerai le gris pour représenter, si je le puis, l'extravagance de sa tête. Sa figure, je n'en dirai rien, elle ne s'en

каковы были ея заботы, ея развлеченія, горести и несчастія; какъ переносила она одни и не поддавалась другимъ; встанемъ на ея мѣсто, и тогда будемъ судить о ней.

Глава III.

Я много объ этомъ думала,—мнѣ нужно поговорить о Софи; я прочла такъ много романовъ, но не встрѣтила ни одного, въ которомъ авторъ не изобразилъ бы портрета своей героини.

А такъ какъ я пишу въ первый разъ, то не имѣю права быть оригинальной. Я не буду разнообразить оттѣнковъ, достаточно съ меня двухъ цвѣтовъ: бѣлаго для изображенія ея хорошихъ качествъ, ея сердца, простоты, ея способности любить; черный же цвѣтъ будетъ выражать ея недостатки, ея несчастія, изъ этихъ двухъ цвѣтовъ я составлю, если смогу, сѣрый для изображенія ея сумасбродной головы.

О ея лицѣ я ничего не скажу, о немъ она не заботится, не любить, чтобы другіе о немъ говорили, а я не хочу, чтобы Софи была мною недовольна; говорили, что въ ея фигурѣ, въ манерѣ держаться была доля кокетства. Возможно, но я этого не замѣчала; отецъ сдѣлалъ для ея воспитанія все, что могъ, но она плохо воспользовалась этимъ; она все таки знала, что Т.... была столицей королевства того же имени, отлично знала разницу между рѣкою и притокомъ, не спутала бы мыса съ перешейкомъ; считала отлично, особенно то, что получала сама; когда дарила, забывала о всякомъ счетѣ; изъ четырехъ правилъ ариеметики предпочитала дѣленіе, которое учить дѣлиться съ другими. Любовь научила ее миѳологіи. Она захотѣла основательно изучить исторію Бога, котораго исповѣдывала, исторію Его семьи, чѣмъ Онъ былъ, а особенно желала узнать, что съ Нимъ стало. Она знала, что были на свѣтѣ императоры, римскіе консулы, что Россія не всегда была такъ обширна, какъ въ настоящее время, что Владиміръ—первый ввелъ Христіанство, что Генрихъ IV царствовалъ во Франціи и сумѣлъ оцѣнить Сюлли; но она никакъ не могла бы вамъ сказать, когда произошло то или другое событіе, случилась та или другая вещь,—она не знала того, что называется, кажется, хронологіей: у нея были нѣкоторыя дарованія, которыя она прибрѣла исключительно для того, чтобы угодить своему отцу.

Наконецъ, въ моей Софи не было ничего необыкновеннаго. Она была тѣмъ, чѣмъ всегда будетъ существо, воспитаніемъ котораго руководили прихоть и случай. Я не буду долго останавливаться на дѣтствѣ Софи, въ это время съ ней не произошло ничего особеннаго, кромѣ того, что по временамъ отецъ слишкомъ сильно любилъ ее, и что до пятнадцати лѣтъ она не видѣла любви со стороны ея матери, которую

soucie pas. n'aime pas qu'on en parle, je ne veux point déplaire à Sophie; on disait qu'elle avait quelques coquetteries sur sa taille, son maintien. C'est possible, je ne m'en suis pas aperçu; son père a fait tout ce qu'il a pu pour son éducation, elle en a trop peu profité; elle savait pourtant que T.... était la capitale du royaume de ce nom, elle connaissait parfaitement la différence entre un fleuve et une rivière, elle n'aurait pas confondu un cap d'avec un isthme: elle comptait fort bien, surtout ce qu'elle recevait; quand elle donnait, elle oubliait tout calcul; des quatre premières règles de l'arithmétique, la division qui apprend à partager est celle qu'elle préférait. L'amour lui apprit la mythologie. Elle voulut connaître à fond l'histoire du Dieu qu'elle adorait, sa famille, ce qu'il fut, mais surtout ce qu'il devint. Elle savait bien qu'il y avait eu des empereurs, des consuls romains, que la Russie n'avait pas toujours été aussi étendue que dans ce moment-ci, que c'était Wollodimir qui le premier établit la religion chrétienne, que Henri IV avait régné en France et qu'il avait su apprécier Sully: mais jamais elle n'aurait pu vous dire dans quel temps telle ou telle chose, tel évènement s'était passé, ce qui s'appelle, je crois, la chronologie. Elle eut quelques talents qu'elle n'acquît uniquement que pour plaire à son père. Au reste, ma Sophie n'avait rien d'extraordinaire. Elle fut ce que sera toujours un être dont l'éducation aura été dirigée par le caprice et le moment. Je passe rapidement sur l'enfance de Sophie, il ne lui arriva rien d'extraordinaire, sinon que par instant elle était trop aimée de son père et que jamais jusqu'à l'âge de quinze ans, elle ne crut l'être de sa mère qu'elle chérissait et que déjà elle avait jugée victime de l'humeur violente du comte. Mais ce que je dirai avec délices, c'est que la personne à laquelle son enfance, sa jeunesse furent confiés était un de ces êtres rares, précieux que l'on ne trouve que dans les livres et que l'on copie sûrement d'après celle qui fut chargée de sa conduite et de son éducation et qui avec le secours de ce que la nature avait accordé à Sophie en aurait fait un être essentiel si seule elle en eût été la maîtresse. Encore un bonheur bien rare pour mon héroïne. Elle était intimement liée avec la jeune princesse Pauline de Rapnovsky, elles furent élevées ensemble; la douceur de cette dernière qui avait trois ans de plus que ma Sophie, son esprit, sa raison bien au-dessus de son âge, la tendresse bien vraie que Sophie avait pour elle (car Sophie tenait de son père l'enthousiasme pour tout ce qui était beau et bon) fit que l'empire que l'amitié accorda à Pauline sur son esprit et sur son cœur calma ce caractère que rien ne semblait pouvoir dompter. Malheureusement elle perdit son amie au moment où son cœur s'ouvrait à ce sentiment qui absorbe tous les autres. Nombre d'années se sont passées depuis la mort de Pauline,

сама Софи нѣжно любила и считала жертвой суроваго нрава Графа. Но о чемъ я съ удовольствіемъ упомяну, такъ это о томъ, что женщина, которой были ввѣрены ея дѣтство и юность, была однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ драгоценныхъ людей, которые встрѣчаются только въ книгахъ и, конечно, являются изображеніями той, о комъ я говорю.— той, кому было поручено ея воспитаніе; съ помощью природныхъ качествъ Софи она могла бы создать изъ нея необыкновенное существо, если бы только дѣйствовала вполне самостоятельно. На долю моей героини выпало еще одно, на рѣдкость счастливое обстоятельство. Она близко подружилась съ молодой княжной Полиной Рапиновской, онѣ воспитывались вмѣстѣ; мягкость послѣдней, которая была на три года старше моей Софи, ея умъ, несвойственная ея лѣтамъ разсудительность, искренняя нѣжность, которую питала къ ней моя Софи (потому что Софи унаслѣдовала отъ отца восторженность передъ всякою красотою и всякимъ добромъ), сдѣлали то, что дружба Полины такъ повліяла на этотъ умъ и на это сердце, что смягчила нравъ, который, казалось, ничто не могло покорить. Къ несчастью, она потеряла своего друга какъ разъ въ то время, когда ея сердце шло навстрѣчу тому чувству, которое поглощаетъ все остальныя. Много лѣтъ прошло послѣ смерти Полины, Софи еще оплакиваетъ ее и всегда будетъ оплакивать. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Софи уже два раза была во Франціи, одинъ разъ въ Англіи. Я, кажется, уже говорила о томъ, что отецъ бралъ для нея лучшихъ учителей, ничего не упускалъ, ничего не жалѣлъ для ея воспитанія. Тринадцати лѣтъ она появилась при дворѣ Императрицы Екатерины II. Такъ какъ ея отца считали богатымъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ Государства, а Софи была его кумиромъ, передъ ней заискивали, ея руки добывались самые блестящіе женихи,—однимъ словомъ все, что только блескъ, величіе, роскошь могутъ предложить для удовлетворенія тщеславія и самолюбія, все было у Софи. слишкомъ молодой, слишкомъ живой и черезчуръ безразсудной, такъ что она никогда не только не задумывалась о томъ, что ея жизнь должна измѣниться, но не беспокоилась и даже не старалась узнать о намѣреніяхъ своихъ родителей.

Глава IV.

Но моей Софи уже исполнилось пятнадцать лѣтъ; я не боюсь за нее, потому что ея судьба опредѣлилась. потому что то, что я пишу въ настоящее время, является исторіей прошлаго вѣка. Но если бы тогда я знала ее такъ, какъ знаю теперь, какъ я дрожала бы за нее. Такъ какъ мнѣ придется говорить о русскомъ Дворѣ, нужно, чтобы тѣ, которые будутъ читать мое произведеніе, знали то, что имъ и

Sophie la pleure et la pleurera toujours. A l'âge de douze ans Sophie avait déjà été deux fois en France, une fois en Angleterre. Je crois l'avoir déjà dit son père lui donna les meilleurs maîtres, ne négligea rien, n'épargna rien pour son éducation. A treize ans elle parut à la cour de l'Impératrice Catherine II. Comme son père était cru riche, qu'il était un des premiers de l'Empire, que Sophie était son idole, elle fut demandée, recherchée par les partis les plus brillants. en un mot tout ce que l'éclat, la grandeur, l'opulence peuvent offrir pour satisfaire l'ambition et l'amour-propre, fut présenté à Sophie qui trop jeune, trop vive, trop étourdie, n'avait point songé encore que son existence dût changer et ne s'inquiétait ni même ne s'informait des intentions de ses parents

Chapitre IV.

Mais ma Sophie est déjà parvenue à l'âge de quinze ans; je ne crains plus pour elle puisque déjà son sort est fixé, que ce que j'écris dans ce moment-ci est l'histoire du siècle passé. Mais si je l'avais connue alors comme je la connais à présent, combien j'aurais tremblé pour elle. Comme j'aurai à parler de la Cour de Russie, il faut que j'apprenne à ceux qui me liront ce qu'ils savent aussi bien que moi, mais c'est une chose indispensable dans un roman. Catherine la Grande qu'on nommait la seconde à cause de son nom, mais qui jamais n'eut d'exemple et n'aura point d'émule réunissait à sa Cour le luxe asiatique à l'élégance française; elle avait les plus grandes vertus des hommes et les plus petits défauts des femmes. Tant d'historiens en ont parlé, en parlent, en parleront, que je trouve très glorieux de ne la nommer que pour servir d'épisode à l'histoire de ma Sophie.

La Cour de l'Impératrice était composée de dames et de demoiselles du palais qui pour être distinguées avaient, les premières le portrait enrichi de leur Souveraine sur une cocarde de ruban bleu qu'elles portaient sur le coeur, les autres sur ce même ruban bleu attaché à la même place portaient le chiffre de Catherine II. Ma Sophie avant treize ans obtint cette distinction et commença tout de suite son service qui consistait à passer à la Cour le jour où on l'était, à dîner avec Sa Majesté, à faire une partie dans la chambre où l'Impératrice faisait la Sienne, ou à la suivre si elle sortait; on était deux de service à tour de rôle. Un jour donc que Sophie l'était, elle vit entrer un gentilhomme de la chambre qui la frappa. Elle demanda à sa compagne le nom de ce jeune homme, et la raison pour laquelle depuis plus d'un an qu'elle

безъ меня извѣстно, но въ романѣ невозможно обойтись безъ этого. Екатерина Великая, которую называютъ Второй по счету, Императрица подобной которой никогда не было, и у которой никогда не будетъ соперницъ, соединила при своемъ Дворѣ азіатскую роскошь съ французскимъ изяществомъ; она совмѣщала въ себѣ величайшія мужскія добродѣтели и самыя ничтожныя женскіе недостатки. Такое множество историковъ говорило, говоритъ и будетъ говорить о ней, что я считаю почетнымъ для себя хотя бы вскользь упомянуть о ней въ исторіи моей Софіи.

Дворъ Императрицы состоялъ изъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя для отличія имѣли: первыя—богато украшенный портретъ Государыни, который носили на груди, прикрѣпленный къ банту изъ голубой ленты, а вторыя на такой же лентѣ и на томъ же мѣстѣ носили вензель Екатерины II. Еще не достигнувъ тринадцати лѣтъ, моя Софи получила этотъ знакъ отличія и немедленно начала свою службу, заключающуюся въ томъ, что она должна была проводить во дворцѣ опредѣленный день, обѣдать съ Ея Величествомъ, играть въ карты въ той комнатѣ, гдѣ играла Императрица, или сопровождать ее при выходахъ. Каждый разъ назначались двѣ дежурныхъ. Однажды, въ дежурный день, Софи увидала камеръ-юнкера, который ее поразилъ. Она спросила у своей подруги, какъ зовутъ этого молодого человѣка, и почему она ни разу его не встрѣчала, хотя уже больше года находится при Дворѣ. Та отвѣчала, что его зовутъ Федоромъ Рениновскимъ, что онъ недавно вернулся изъ путешествія, что за нимъ водится много странностей, между прочимъ та, что онъ никого не хочетъ любить, потому, что если привяжется къ кому нибудь, такъ ужъ на всю жизнь. Софи сдѣлалась разсудительнѣе, благоразумнѣе, стала болѣе разсѣяна, болѣе задумчива. Хотите знать, о чемъ она думала? Я это отгадала, потому что она никогда не призналась бы мнѣ.

Вы думаете, что она можетъ быть уже полюбила. О, Боже, совсѣмъ нѣтъ. Она была очень огорчена тѣмъ, что не надѣла въ тотъ день бѣлаго атласнаго платья, въ которомъ ея фигура такъ красиво выдѣлялась и которое, по словамъ всѣхъ, лучше другихъ шло ей къ лицу. Вы спросите меня о причинѣ такого сожалѣнія? Снова мнѣ придется отвѣтить вамъ, такъ какъ бѣдное дитя никогда не созналось въ этомъ. Итакъ, не заставимъ ее лгать. Она сдѣлала это единственно изъ кокетства. То, что подруга рассказала ей о Федорѣ, разбудило ея самолюбіе, молчавшее до тѣхъ поръ. Но виѣшняя холодность Федора, его вѣжливость, одинаковая для всѣхъ, поселили въ ней безмѣрное желаніе заставить его не полюбить себя,—нѣтъ, это было бы слишкомъ много для ея юнаго ума—но понравиться ему, занять

était à la Cour elle ne l'avait pas encore aperçu. L'autre lui répondit que c'était Théodore de Rézinovsky, de retour depuis peu de ses voyages, qu'il avait beaucoup de singularités, entre autres, celle de ne vouloir point aimer, parce qu'il savait que s'il s'attachait ce serait pour la vie. Sophie fut moins étourdie, moins folle, devint plus distraite, plus réfléchie. Voulez-vous savoir à quoi elle pensait? Je l'ai deviné, car jamais elle-même n'en serait convenue. Vous croyez que peut-être elle commençait à aimer. Oh! mon Dieu, non par du tout. Elle était toute chagrine de n'avoir pas mis ce jour-là certain habit de satin blanc qui marquait parfaitement sa taille et qu'on disait lui aller mieux que tous les autres. Vous me demandez pourquoi ce regret? C'est encore moi qui suis obligé de vous répondre. car pour la pauvre enfant, elle n'en conviendrait jamais. Ne la mettons pas dans le cas de mentir. C'était uniquement par coquetterie. Ce que sa compagne lui avait dit de Théodore avait éveillé son amour-propre qui jusqu'à ce moment n'avait encore rien dit. Mais l'air froid de Théodore, sa politesse bien égale pour tout le monde lui donnèrent une envie démesurée, non de s'en faire aimer. c'était trop sérieux pour sa jeune tête, mais de lui plaire, de l'occuper, de le tirer en un mot de cet état d'indifférence et de calme qui semblait être son état habituel. Comme Théodore était d'une figure charmante, qu'il était doux, honnête, il plut généralement. Sophie en entendait beaucoup parler, toujours avec éloges. Elle voyait que les vieillards le distinguaient des autres jeunes gens, que ses compagnes dansaient mieux lorsqu'elles figuraient avec lui; elle mourait d'envie d'être sa danseuse, mais jamais il ne se présentait, il était trop bien élevé pour cela: et quand on lui en demandait la raison, il répondait qu'il n'avait pas eu l'honneur d'être présenté à Mademoiselle la Comtesse. Sophie enrageait. Elle aurait tant voulu briller à son tour. Enfin un jour qu'il n'y avait à la Cour que des personnes choisies pour un tout petit bal, je ne sais par quel hasard Sophie et Théodore se trouvèrent les seuls qui ne figuraient pas dans une anglaise. L'Impératrice qui dans ce moment voulait faire armer quelques vaisseaux de plus, à condition qu'il lui en coûtât quelque chose de moins, avait besoin du Comte Alexandre qui était son ministre de la marine: elle savait que le moyen le plus sûr de tout obtenir du Comte était de distinguer sa fille chérie: elle s'approcha d'elle et lui dit qu'elle devait s'ennuyer, qu'elle ferait mieux de danser, qu'à son âge on n'aurait pas été dans le cas de le lui dire. Sophie, bien tristement répondit qu'elle n'avait pas de cavalier. L'Impératrice lui montra Théodore et lui dit de l'aller prendre. Jamais Sophie n'avait obéi d'aussi bon cœur, jamais elle ne fut aussi leste; dans l'instant elle se trouva près de lui, et d'un petit air bien important elle lui dit: Monsieur,

его, однимъ словомъ, вывести его изъ состоянія равнодушія и спокойствія, состоянія, повидимому, всегда ему свойственнаго.

Такъ какъ наружность у Федора была очаровательная, такъ какъ онъ былъ нѣженъ и учтивъ, то нравился всѣмъ. Софи слышала, что о немъ много говорили, и всегда съ похвалою. Она видѣла, что старики отличали его отъ другихъ молодыхъ людей, что подружки лучше танцевали, когда шли въ парѣ съ нимъ; она умирала отъ желанія танцевать съ нимъ, но онъ не приглашалъ ее самъ, для этого онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ; а если его спрашивали, почему онъ этого не дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что не имѣлъ чести быть представленнымъ графинѣ. Софи выходила изъ себя. Ей въ свою очередь хотѣлось блеснуть. Наконецъ, однажды, при дворѣ собралось небольшое избранное общество для маленькаго бала, не знаю какъ случилось, что только Софи и Федоръ не принимали участія въ „англэзъ“. Въ эту минуту Императрица думала о вооруженіи нѣсколькихъ лишнихъ кораблей, съ условіемъ, чтобы это вооруженіе обошлось нѣсколько дешевле, и ей понадобился графъ Александръ, бывшій морскимъ министромъ; она знала, что лучшимъ способомъ получить согласіе графа было—отличить чѣмъ нибудь обожаемую имъ дочь; она подошла къ Софи и спросила, ее не скучаетъ ли она, что лучше бы она пошла танцевать, къ чему въ ея годы, не надо было бы ее понуждать. Софи печально отвѣтила, что ей не съ кѣмъ танцевать. Императрица указала ей на Федора и сказала, чтобы она сама подошла къ нему. Никогда еще Софи не пришлось повиноваться такъ отъ души, никогда не была она такъ проворна, въ одинъ мигъ очутилась подлѣ него, и съ важностью сказала: „Милостивый Государь, Императрица приказываетъ намъ танцевать вмѣстѣ“. Въ эту минуту она, какъ и ея подружки, ощущала одну радость, оттого что танцуетъ, твердо вѣря, что невозможно получить большее удовольствіе. Танцуя вмѣстѣ, можно смотрѣть другъ на друга, разговаривать, быть такъ близко другъ къ другу, что можно сблизиться очень скоро, даже не помышляя объ этомъ. Такъ было и съ моими молодыми людьми. Не знаю, какъ это случилось, но они весь вечеръ танцевали вмѣстѣ, даже не говоря объ этомъ, не приглашая другъ друга. Какъ только музыканты начинали играть, Софи бессознательно протягивала ему руку. Рука Федора, также машинально встрѣчала ея руку. Они еще не любили другъ друга, Боже мой, совсѣмъ нѣтъ, они были вполне въ этомъ увѣрены. Федоръ думалъ, что онъ предпочитаетъ Софи потому, что она танцуетъ съ большой веселостью, чѣмъ другія; она, съ своей стороны, выбирала Федора, такъ какъ ея подружки завидуютъ ей: Бѣдныя дѣти, какъ они были смѣшны; я молодѣю, вспоминая ихъ, но балъ не безконеченъ; приходится возвратиться домой, остаться одной и бросить взглядъ на все сдѣланное,

l'Impératrice ordonne que nous dansions ensemble. Elle ne sentait encore dans ce moment que le plaisir de danser aussi bien que ses compagnes, croyant bien fermement qu'avec tout autre que lui la chose eût été impossible. En dansant ensemble, on se regarde, on se parle, on se tient de si près, que la connaissance devient intime, presque avant qu'on ait songé à la faire. C'est ce qui arriva à mes jeunes gens. Depuis ce temps, je ne sais comment, mais ils dansèrent toujours ensemble, sans se le demander, sans s'y engager. Dès que les musiciens commençaient Sophie machinalement lui tendait sa main. Celle de Théodore, tout aussi machinalement, se trouvait là pour la recevoir. Ils ne s'aimaient pas, mon Dieu non, ils ne s'aimaient pas, ils en étaient bien persuadés. Théodore croyait ne préférer Sophie que parce qu'elle dansait avec plus de gaieté que les autres; elle de son côté choisissait Théodore parce que ses compagnes le lui enviaient. Pauvres enfants, qu'ils étaient drôles, l'un et l'autre; et combien cela me rajeunit d'y penser, mais on n'est pas toujours au bal; on rentre chez soi, on y est seule, on récapitule alors tout ce que l'on a fait, ce que l'on a entendu, ce que l'on a dit. En bien! Sophie qui avait une mémoire excellente ne pouvait jamais se rappeler de rien que du nombre de contredances où elle avait figuré avec lui*), de la manière dont il avait loué son habillement, sa coiffure, jamais elle-même; du hasard singulier qui leur avait fait ôter un gant précisément dans le même moment; de ce qu'elle avait entendu prononcer son nom par lui au moment où furieuse de savoir ce qu'il pouvait avoir de si long, de si intéressant, de si animé à dire à Mademoiselle de Parineoff, elle s'en était approchée! Pourtant elle n'aimait pas encore. Non, je vous le jure, elle n'aurait pu me tromper, mais son amour-propre n'était plus en jeu, sa coquetterie avait cessé, entièrement cessé, mais ce n'était point encore de l'amour, c'était ce sentiment intermédiaire que je ne puis définir, qui n'en est point encore, mais qui cherche à le devenir, qui conduit si vite et si sûrement à celui qui absorbe et anéantit tous les autres.

Théodore ne venant point dans la maison du père de Sophie, pendant un an ils ne se virent qu'à la Cour, mais au moins trois ou quatre fois la semaine; ils se parlaient peu, commencèrent à moins danser ensemble, mais à se chercher et à se regarder beaucoup plus, et l'on devait être bien sûr quand on en apercevait un que l'autre n'était pas loin. Sophie avait beaucoup perdu de sa gaîté, de sa folie: elle prit un petit air raisonnable, important, elle crut que Théodore craignait les

---

*) N'est-ce pas toujours le nom de l'objet aimé.

слышанное и сказанное. Тагъ вотъ, Софи, у которой была превосходная память, никогда не могла вспомнить объ этомъ балѣ ничего кромѣ числа танцевъ, которые она танцевала съ нимъ,¹⁾ какъ онъ похвалилъ ея платье и прическу, но не ея самое; вспоминала странную случайность, когда они въ одинъ и тотъ же мигъ одновременно сняли перчатки; вспоминала о томъ, какъ раздраженная его продолжительной, занимательной и оживленной бесѣдой съ дѣвицей Парилеевой, она услышала, какъ онъ пропзнесъ ея имя и подошла къ нимъ! Однако, она еще не любила. Клянись вамъ; нѣтъ, она не могла бы обмануть меня, но ея самолюбие уже смолкло, кокетство прекратилось, совершенно прекратилось, но это была еще не любовь, это было переходное чувство, которое я не сумѣю опредѣлить, чувство, которое, не будучи любовью, стремится перейти въ любовь, и быстро и надежно ведетъ къ чувству, поглощающему и уничтожающему все другія.

Такъ какъ Федоръ не бывалъ въ домъ отца Софи, они цѣлый годъ встрѣчались только при Дворѣ, но не рѣже трехъ—четырехъ разъ въ недѣлю; они стали мало говорить, меньше танцевать, но старались чаще встрѣчаться и больше смотрѣть другъ на друга, и видя одного, можно было съ увѣренностью сказать, что и другой гдѣ нибудь вблизи. Софи потеряла много веселости и безразсудства: она имѣла теперь разсудительный, важный видъ; она думала, что Федоръ не любитъ вѣтренницъ; сама не подозрѣвая, — нравиться ему, стало единственной ея цѣлью.

Глава V.

Федоръ путешествовалъ больше года. Софи безъ него не грустила, иногда даже оживлялась, но находила балы пустыми, разлюбила танцы; нетерпѣливо выслушивала отца, когда тотъ говорилъ съ ней о замужествѣ, называлъ ей тѣхъ, кто просилъ ея руки. Она неизмѣнно отвѣчала нѣтъ. Я думаю, что въ первую минуту она отказала бы и Федору, потому что съ мужемъ вѣдь не танцуютъ, а увѣренная въ томъ, что хорошо танцевать можно только съ нимъ, она увлеклась бы желаніемъ блистать. Я изображаю ее вамъ такую, какою она была на самомъ дѣлѣ, а судите о ней вы сами.²⁾ Что касается меня, то я никогда хорошо ее не понимала; я никогда не могла опредѣлить этотъ характеръ, этотъ странный умъ. Поразительныя противорѣчія, самыя противоположныя чувства, которыя очевидно невозможно соединить и осуществить въ одномъ лицѣ—вотъ какова была моя Софи въ то время.

¹⁾ Развѣ когда нибудь называли иначе предметъ любви?

²⁾ Здѣсь въ рукописи стоитъ: „vous vous-meme“. Ясно, что авторъ что то пропустилъ. Вставивъ въ текстъ „судите о ней“, я думаю, что правильно восстанавливаю мысль автора. А. П.

étourdies, elle cessa de l'être; sans s'en douter, lui plaire était l'unique but de ses actions.

Chapitre V.

Théodore fit un voyage de plus d'un an. Sophie ne fut pas triste sans lui, non, souvent même elle s'animait, mais elle trouvait les bals plus insipides, n'aimait plus la danse; elle s'impatientait quand son père lui parlait de mariage, lui nommait ceux qui la recherchaient. Sa réponse était toujours un non. Jé crois en vérité qu'au premier moment elle aurait tout de même refusé Théodore, parce que l'on ne danse point avec son mari, et que persuadée comme elle l'était de ne pouvoir plus bien danser qu'avec lui, son désir de briller l'eût encore emporté. Je vous la dépeins telle qu'elle était, vous la jugerez vous-même*). Quant à moi je ne l'ai jamais bien comprise; c'est un caractère, une tête si bizarres que je ne puis la définir. Les contrastes les plus frappants, les sentiments les plus opposés qui semblent ne pouvoir se concilier et surtout animer la même personne, voilà ce qu'était Sophie dans ces moments-là. Mais Théodore revint. Oh! comme elle se trouva changée! Cela n'est-il pas encore très extraordinaire et presque sans exemple. L'amour pour l'ordinaire résiste bien peu à l'absence, et pour ma singulière Sophie c'est une séparation de plus d'un an qui fit naître le sien. Car au départ de Théodore elle ne s'en occupait que par rapport à elle-même. Pendant son voyage qu'elle trouvait cependant bien long, elle commença à y penser pour lui, et à son retour du moment qu'elle l'aperçut, elle l'aima comme si elle n'avait fait autre chose toute sa vie. Il est vrai que Théodore pendant son séjour à Paris ayant fait la connaissance du frère de Sophie qui se nommait Basile, celui-ci dans toutes ses lettres à ses parents en disait un bien infini. Le Comte Alexandre en parlait souvent aussi, toujours avec éloges, répétant qu'il désirait pour Basile qu'il devînt son ami, qu'il ne pouvait qu'y gagner. En un mot lorsqu'il fut de retour, presque en même temps que Basile, le Comte Alexandre l'engagea à venir chez lui, à y venir souvent, tous les jours, toute la journée, car c'est comme cela qu'il était quand il prenait quelqu'un en amitié. Sophie voyant l'accueil que lui faisait son père, les égards, l'estime qu'il lui témoignait, (sentiments qu'il ne prodiguait guère), se livra avec délices et sécurité à celui qui l'entraînait vers Théodore. Nos jeunes gens, bien avant de s'être rien avoué de leurs mutuels sentiments,

*) Ici le manuscrit porte „vous vous-même“. Il est clair que l'auteur a omis quelque chose. En intercalant dans le texte „la jugerez“ je pense avoir reconstitué la pensée de l'auteur. A. P.

Но Федоръ возвратился. О, она почувствовала, какъ она измѣнилась! Это еще не такъ удивительно, подобныя примѣры бывали и раньше. Обычной любви трудно устоять передъ разлукой, но у моей причудницы Софи именно разлука, длившаяся больше года, и породила любовь; потому что со дня отъѣзда Федора она думала о любви только по отношенію къ себѣ самой. Во время его путешествія, которое однако показалось ей очень продолжительнымъ, она начала думать о томъ, любить ли онъ ее, а когда онъ вернулся, съ той самой минуты, какъ она увидѣлась съ нимъ, убѣдилась что полюбила его такъ, какъ будто любила всю жизнь. Правда, будучи въ Парижѣ, Федоръ познакомился съ братомъ Софи, котораго звали Василиемъ, и послѣдній необыкновенно хорошо отзывался о немъ во всѣхъ своихъ письмахъ къ родителямъ. Графъ Александръ тоже часто говорилъ о немъ, всегда съ похвалой, повторяя, что желалъ бы, чтобы Базиль подружился съ нимъ, что эта дружба будетъ полезна его сыну. Однимъ словомъ, когда онъ возвратился, тогда графъ Александръ, почти одновременно съ Базилемъ, пригласилъ его бывать у нихъ въ домѣ, бывать часто, каждый день съ утра до вечера, потому что такъ было у нихъ заведено съ друзьями. Софи, видя пріемъ, оказанный ему отцомъ, знаки вниманія, уваженія (чувства, никогда раньше имъ не выражавшіяся), съ восторгомъ довѣрилась тому чувству, которое влекло ее къ Федору. Еще задолго до того, какъ наши молодые люди объяснились, чувства ихъ были угаданы одной Августѣйшей Четой, которую я изъ уваженія не называю, но имена которыхъ навсегда останутся въ моемъ сердцѣ, Четой, въ теченіи пятнадцати лѣтъ любившей Федора не какъ *временщика*, или *наперсника*, но какъ друга, котораго уважаютъ.

Они покровительствовали ихъ любви, разрѣшили Софи вмѣстѣ съ родителями пріѣхать провести нѣсколько дней въ ихъ загородномъ дворцѣ, гдѣ они жили, какъ простые смертныя, своими милостями принудили Софи признаться въ своей любви и пристыдили ее въ томъ, что она питаетъ чувство, о которомъ графу, ея отцу, ничего неизвѣстно, а который, повидимому, живетъ только для нея; они предложили ей открыться отцу прежде, чѣмъ узнаетъ объ этомъ Федоръ, еще ничего не говорившій ей о своемъ чувствѣ, хотя все доказывало его явнѣе, чѣмъ прекраснѣйшія признанія въ любви. Что же сдѣлала моя сумасбродка по окончаніи этого разговора? Она какъ сумасшедшая направляется прямо къ Федору и говоритъ ему: „Хотятъ, чтобы я во всемъ призналась моему отцу и просила у него согласія на нашъ бракъ“. Она пришла въ восторгъ отъ удивленно-счастливаго лица Федора, взрывъ его восторга привелъ ее почти въ отчаяніе, потому что она замѣтила свою неосторожность. Куда скрыться, какъ быть?

furent devinés par un Couple Auguste que je ne nomme pas par respect, mais que je porte en mon coeur et dont Théodore eut le bonheur d'être aimé pendant quinze ans, non comme favori, comme confident, mais comme ami qu'on estime.

Ils protégèrent leurs amours, permirent à Sophie de venir avec ses parents passer quelques jours à un de leurs châteaux de plaisance où ils vivaient en simples particuliers. ils la forcèrent par leurs bontés à avouer qu'elle aimait et ils lui firent honte d'avoir un sentiment qui fût ignoré du Comte, son père, qui ne semblait n'exister que pour elle; ils l'engagèrent à l'en informer avant d'en faire l'aveu à Théodore qui jamais encore ne lui avait parlé de son amour, quoi que tout le lui prouvât bien plus sûrement que n'aurait pu le faire la plus belle déclaration. Que fit mon étourdie au sortir de cette conversation, elle va comme une folle droit à Théodore et lui dit: „On veut que j'avoue tout à mon père et que je lui demande son consentement pour notre mariage“. L'air étonné et heureux de Théodore l'enchantait, la joie qu'il laissa éclater la mit presque au désespoir, car elle lui fit apercevoir son imprudence. Où se cacher. que devenir? Elle ne voulut plus le voir. Malheureusement le sort ne la servit que trop bien, car le même soir, Théodore fut appelé auprès de son père qui se mourait. Sophie fut plusieurs semaines sans le voir, mais s'en occupant sans cesse. Elle choisit ce temps-là pour parler à son père, et malgré toutes ses craintes se hasarda enfin à lui demander un moment d'entretien. Partagez-vous le sentiment que j'ai éprouvé alors? Oh! comme je tremblais pour Sophie, connaissant l'ambition et l'humeur violente du Comte. Ce fut donc un dimanche, à cinq heures après-midi, que Sophie toute tremblante entra dans le cabinet de son père qu'elle trouve couché dans un fauteuil à la morphée qu'il avait fait venir d'Angleterre. Il se préparait à faire sa sieste, usage auquel il ne pouvait manquer. Elle prit son grand courage. Je vais la laisser parler elle-même. Après avoir bien tendrement embrassé son père, lui avoir baisé les mains, elle lui dit: „Cher papa, votre grande vivacité m'a toujours fait bien peur, mais vous êtes bon, bien bon même, vous répétez sans cesse que votre premier désir est d'être regardé comme l'ami de vos enfants. Soyez le mien. Recevez la plus grande preuve de confiance qu'une fille puisse donner à son père. Mais ne vous fâchez pas. N'effrayez pas un coeur de seize ans qui vient s'ouvrir au vôtre. J'aime Théodore. Il n'est pas riche, je le sais, mais il est bien né. Dans notre pays où le rang fait tout, son père est précisément ce que vous êtes: cela doit satisfaire votre ambition. Pour lui, vous le voyez tous les jours. Dites. mon excellent ami, ne le trouvez-vous pas charmant?“ — Tout étonnée

Она больше не хотѣла его видѣть. Къ несчастію судьба ей слишкомъ благопріятствовала, потому что въ тотъ же самый вечеръ Ѳедоръ былъ вызванъ къ его умирающему отцу. Софи провела нѣсколько недѣль не видя его, но безпрестанно думая о немъ. Она воспользовалась этимъ временемъ, чтобы переговорить съ отцомъ, и не смотря на свои опасенія, улучила наконецъ удобную минуту.

Раздѣляете ли вы чувства, испытанныя мною тогда? О, какъ я дрожала за Софи, зная гордость и крутой нравъ графа. Однажды въ воскресенье, въ пять часовъ дня, Софи, вся дрожащая, вошла въ кабинетъ отца, который протянулся въ креслѣ, Морфэ, присланномъ по его заказу изъ Англіи. Онъ собирался отдохнуть послѣ обѣда, привычка, безъ которой не могъ обойтись. Она собралась съ духомъ. Я дамъ ей говорить за себя. Нѣжно обнявъ своего отца, поцѣловавъ ему руки, она сказала: „Дорогой папа, я всегда боялась вашей вспыльчивости, но вы добры, очень добры, вы безпрестанно твердите, что ваше главное желаніе—чтобы васъ считали другомъ вашихъ дѣтей. Будьте же моимъ другомъ. Вы получите лучшее доказательство большого довѣрія, какое только дочь можетъ питать къ своему отцу. Но не сердитесь. Не пугайте шестнадцатилѣтнее сердце, готовое открыться вамъ. Я люблю Ѳедора. Онъ небогачъ, я знаю, но онъ благороденъ. На нашей родинѣ, гдѣ происхожденіе составляетъ все, его отецъ ровень вамъ, а это должно удовлетворить вашему честолюбію. Что касается его самого—вы видите его ежедневно. Скажите, дорогой другъ мой, развѣ вы не находите его прелестнымъ?“—Сама удивляясь, что безъ перерыва сказала такъ много, она улучила минутку и взглянула на отца (отъ страха глаза ея были опущены) и замѣтила, что онъ старается скрыть невольную улыбку. „Папа, вы согласны, вы улыбнулись“, сказала она съ живостью, совершенно противоположной серьезному виду отца, который отвѣтилъ ей: „Дочь моя, я до обожанія люблю тебя; ты должна знать объ этомъ; я желаю тебѣ счастья, хотя бы въ ущербъ самому себѣ, своей жизни. Я думалъ, я могъ надѣяться, что моя дочь, моя Софи, выйдетъ за перваго человѣка въ Россіи, блестящаго, перваго по богатству, по положенію. Да я можетъ быть ослѣпленъ честолюбіемъ и той исключительной нѣжностью, которую питаю къ тебѣ. Я кичусь тѣмъ, что нѣтъ никого выше тебя, кромѣ нашихъ Государей. Ѳедоръ хорошаго происхожденія, любезенъ, онъ достаточно нравится мнѣ, я ничего не имѣю противъ него, но, дорогое дитя, онъ не сможетъ дать тебѣ той роскоши, въ которой ты воспитана и къ которой, къ несчастію, такъ привыкла“.

—„Тѣмъ лучше, милый папа тѣмъ большимъ я пожертвую для него, онъ увидитъ, насколько я его люблю, отъ этого я буду ему еще дороже“.

d'en avoir tant dit sans interruption, elle se hasarda à lever les yeux sur son père (la crainte les lui avait fait tenir baissés), elle aperçut un sourire qu'il s'efforçait de réprimer. „Papa, vous êtes pour moi vous avez souri“, lui dit-elle avec une vivacité qui contrastait parfaitement avec la gravité de son père qui lui répondit: „Ma fille, je vous aime avec idolâtrie, vous devez le savoir; je désire votre bonheur aux dépens du mien, aux dépens de ma vie. Je croyais, je pouvais espérer que ma fille Sophie épouserait le premier homme de l'Empire, pour la richesse, le rang, l'éclat. Oui, peut-être suis-je aveuglé par mon ambition et l'excessive tendresse que je vous porte. Mais je me flattais que hors nos Souverains, rien ne serait au-dessus de vous. Théodore est bien né, il est aimable, il me plaît assez; je n'ai rien à dire contre lui, mais ma chère enfant, il ne pourra vous maintenir dans l'opulence dans laquelle vous avez été élevée et à laquelle vous n'êtes malheureusement que trop accoutumée“.

„Tant mieux, mon tendre père, ce seront autant de sacrifices que je lui ferai, il verra combien je l'aime, je lui en deviendrai plus chère“.

„Vous ne considérez pas, mon enfant, ce que je souffrirai quand j'en serai le témoin. Ce parti n'est pas fait pour vous. Vous ne songez qu'à lui, qu'à vous-même. Vous oubliez votre vieux père. Depuis plus d'un an je vois naître et croître votre amour pour Théodore, et...“.

Sophie ne le laissa pas achever sa phrase. Elle se pendit à son col, se précipita à ses pieds et lui dit:

„Bon papa, je savais, j'étais sûre que vous applaudissiez au choix de votre fille.“ — „Comment cela, mademoiselle?“ — „Comment mon père, mais c'est tout simple, vous me dites vous-même que depuis un an vous avez remarqué que j'aime Théodore, vous me connaissez autant que je vous connais, vous, oui vous, mon père. En me faisant constamment son éloge vous avez fait naître ou pour mieux dire vous avez décidé mon amour pour lui. Vous vous en êtes aperçu, dites-vous, et vous n'avez cessé de l'engager à passer tout son temps chez vous. Vous me faites chanter pour lui les airs qu'il préfère; sans cesse vous lui parlez de moi. Avec votre bonté et tendresse accoutumées vis-à-vis de moi, vous ne tarissez pas sur le bien que vous trouvez à m'en dire. Donc vous approuviez et vouliez fortifier le sentiment que j'ai pour lui. Oh! que vous avez bien réussi et comme je vois que tout ce que vous me disiez dans ce moment n'était qu'une épreuve que vous vouliez faire“. — Le Comte lui répondit:

— „Дитя мое, а ты не обращаешь вниманія на то, какъ я буду страдать, глядя на все это. Эта партія не для тебя. Ты думаешь только о немъ, и о себѣ самой. Ты забываешь своего стараго отца. Больше года я наблюдаю, какъ растеть и крѣпнеть твоя любовь къ Ѳедору, и. . .“ Софи не дала ему докончить послѣднихъ словъ. Она бросилась къ нему на шею, упала къ его ногамъ и сказала:— „Добрый папа, я знала, я была увѣрена, что вы одобрите выборъ вашей дочери“.

— „То есть, какъ, милостивая государыня?“ — „А такъ, папа, вѣдь это же просто, вы же сами говорите, что уже цѣлый годъ, какъ замѣчали, что я люблю Ѳедора, вы знаете меня такъ же хорошо, какъ я знаю васъ, да васъ, моего отца. Постоянно восхваляя его, вы этимъ вызвали или, лучше сказать, рѣшили мою любовь къ нему. Вы говорите, что замѣтили ее, но не перестали приглашать его проводить у насъ цѣлые дни. По вашему приказанію я пою его любимыя пѣсни; вы безпрестанно говорите ему обо мнѣ. Со свойственной вамъ добротою и нѣжностью по отношенію ко мнѣ, вы не перестаете говорить мнѣ о немъ одно хорошее. Значить, вы одобряли мое чувство къ нему и хотѣли его усилить. О! вамъ это прекрасно удалось и я вижу, что все сказанное вами сейчасъ было только испытаніемъ, которое вы придумали для меня“.— Графъ отвѣтилъ ей:— „я вижу, милостивая государыня, что вы слишкомъ полагаетесь на свой умъ; конечно вы умны, но не умнѣе меня. Постарайтесь пожалуйста уговориться и выслушайте меня такъ же внимательно, какъ это сдѣлалъ я, снисходительно выслушивая всѣ ваши глуныя рѣчи. Я не нападаю на Ѳедора, онъ довольно красивый малый: но онъ молодъ, ты мало его знаешь; у него нѣтъ ничего, или почти ничего. Первое время замужества вы будете думать, что счастливы, потому что ваша мать и я, мы снабдимъ васъ не только необходимымъ, но и всѣмъ тѣмъ, что льстило бы самолюбію такой юной особы. Но потомъ пойдутъ дѣти. Любовь твоего мужа погаснетъ, твое увлеченіе пройдетъ, онъ надѣлаетъ долговъ, въ началѣ женитьбы, придется ихъ платить и вы очутитесь въ затрудненіи, можетъ быть въ нуждѣ. Это убьетъ меня, я ничѣмъ не смогу вамъ помочь. У меня есть другія дѣти, воспитанныя такъ же, какъ ты. Съ самаго ранняго дѣтства ты привыкла къ величайшей роскоши, всѣ твои прихоти всегда исполнялись, даже предупреждались, и ты никогда не сможешь выносить лишенія. Вотъ судьба, ожидающая тебя, и вотъ почему я трепещу за васъ“.— „Батюшка, не безпокойтесь. Ѳедоръ хотя не такъ богатъ, какъ вы бы того желали, но онъ и не такъ бѣденъ, какъ вамъ кажется, какъ вы опасаетесь. У него именно столько, сколько нужно для того, чтобы прожить. И когда, чтобы развлечь васъ, я строила планы своего счастья въ будущемъ, вы говорили мнѣ о дѣтяхъ, кото-

„Je vois, mademoiselle, que vous comptez un peu trop sur votre esprit; vous en avez sans doute, mais vous n'en aurez pas plus que moi. Tâchez, s'il vous plaît, de vous modérer et de m'écouter avec la même attention que j'ai eu la bonté de prêter à votre sot discours. Je n'attaque point la personne de Théodore, c'est un assez joli garçon; mais il est jeune, vous ne le connaissez que peu; il n'a rien ou presque rien. Les premiers instants de votre mariage vous vous croirez heureuse parce que votre mère et moi vous fourniront de quoi, non seulement satisfaire, mais même flatter l'ambition de toute jeune personne. Mais ensuite viendront les enfants. L'amour de votre mari s'éteindra, votre engouement passera, il aura fait des dettes pour le commencement de votre mariage, il faudra les payer et vous vous trouverez dans l'embarras, même dans la misère. Cela me tuera, je ne pourrai plus vous aider. J'ai d'autres enfants élevés comme vous l'êtes. Accoutumée dès votre plus tendre enfance au plus grand luxe, à voir toutes vos fantaisies satisfaites, même prévenues, vous ne pourrez jamais en supporter la privation. Voilà le sort qui vous attend et qui me fait frémir pour vous“.

„Mon père, ne soyez pas inquiet. Théodore sans être aussi riche que vous pourriez le désirer, n'est pas aussi pauvre que vous le craignez. Il a précisément assez pour vivre, comme vous saviez que je le souhaitais même avant de le connaître. Et lorsque pour vous amuser je faisais des plans de bonheur pour mon avenir, vous me parliez des enfants que je pourrais avoir, Eh bien! mon excellent père, une fortune médiocre à laquelle ils seront accoutumés ne me mettra pas dans le cas de craindre de leur voir épouser un Théodore. Donc je serai bien plus heureuse que vous avec vos richesses. Quant à mes fantaisies, pardonnez ma franchise, elles ne furent jamais satisfaites. Je suis couverte de dimants, cela vous flatte, vous, mon père; mais bien souvent une bagatelle qui à moi — même plairait bien plus m'est refusée. Consentez donc, mon bon papa, mon tendre père, mon meilleur ami, au bonheur de votre Sophie“.—Mon héroïne n'était point comédienne ni trop démonstrative; elle ne s'agenouilla pas, ne fondit point en larmes, ne fit point de scènes. Elle était tout émue. Les yeux humides, elle prit la main de son père qu'elle pressa fortement contre son cœur. Mais le fixant avec courage mais résignation elle attendit sa réponse qui fut: „Ma fille, je vous l'ai dit, je vous aime tant que ce que nous avons de mieux sous tous les rapports ne me paraissait pas digne de vous. Mais puisque vous aimez Théodore, épousez-le, j'y consens. Aujourd'hui votre mari, demain je l'adorerai“.

Dans ce moment le cœur de Sophie ne pouvait suffire à tout ce qu'elle éprouvait; elle était dans les bras, aux pieds, pendue au col de son père.

рыя могли быть у меня. Такъ что-же, дорогой батюшка, они привыкнуть жить на небольшія средства и мнѣ не придется опасаться, если выборъ ихъ падеть на такого же Федора. Стало быть я буду счастливѣ васъ съ вашимъ богатствомъ. А что касается моихъ прихотей, то, простите за откровенность, онѣ никогда не исполнялись. Я осыпана брилліантами, и это льститъ вамъ, да, вамъ, батюшка; но мнѣ часто отказывали въ пустякѣ, который доставилъ бы гораздо больше удовольствія мнѣ самой. И такъ, мой добрый батюшка, мой нѣжный батюшка, мой лучший другъ, дайте же согласіе на счастье вашей Софи“.

—Моя героиня совсѣмъ не была комедіанткой, она не говорила изъяснительно; она не бросилась на колѣни, не расплакалась, не дѣлала никакихъ сценъ. Она была глубоко взволнована. Со слезами на глазахъ, она взяла руку отца и крѣпко прижала ее къ сердцу. Мужественно и покорно сжимая ее, она ждала отвѣта, который былъ таковъ:

„Дочь моя, я уже сказалъ тебѣ, что такъ люблю тебя, и мнѣ кажется, что то, что есть у насъ лучшаго недостойно тебя. Но такъ какъ ты любишь Федора, выходи за него, я согласенъ. Я буду обожать его съ того дня, какъ онъ станетъ твоимъ мужемъ“.

Здѣсь сердце Софи не выдержало всего, что ей пришлось пережить; она бросилась въ объятія къ ногамъ своего отца, повисла у него на шеѣ.

—„Отецъ мой, мой лучший другъ, вы будете счастливы, повѣрьте вашей Софи. Вы такъ нѣжно любите ее, что ее счастье обезпечить ваше. Но скажите мнѣ, батюшка, какъ мнѣ быть. Вы знаете у Федора горе, его отецъ скоро умретъ. Какъ сообщить ему о нашемъ счастье“?—

„Какъ, дитя мое, ты такъ спѣшишь меня покинуть“?— „Нѣтъ. нѣтъ. батюшка, но я счастлива, а онъ нѣтъ“. Графъ сказалъ, обнимая ее:

„Иди одѣваться, Софи. Я хочу, чтобы ты поѣхала сегодня на балъ къ графу О. А сейчасъ мы оба слишкомъ взволнованы. Разстанемся, постараемся успокоиться“. Она послушалась, она не могла возражать, она изнемогала отъ счастья. Бѣдная Софи, ты дорого заплатишь за эту минуту. Только что выйдя отъ отца, опьяненная радостію, она побѣжала къ своей воспитательницѣ, къ своему лучшему другу и сказала ей: „Дорогая няня, какъ я счастлива! О, какого отца послало мнѣ небо! Я люблю Федора, я сказала объ этомъ моему батюшкѣ, моему чудному отцу! Онъ согласенъ, онъ меня отдаетъ ему! О, поздравьте же меня, поцѣлуйте же меня. не покидайте меня никогда! Федоръ будетъ нѣжно любить васъ, вы будете жить съ нами, мы никогда не разстанемся. О, какъ мы будемъ счастливы!“ Она прыгала, плакала, смѣялась, дѣлала все, что дѣлаютъ въ шестнадцать лѣтъ, когда получить то, чего хотѣли. Однако она вспомнила приказаніе отца. Она никогда не любила его больше, чѣмъ въ тотъ день. Она одѣлась

„Mon père, mon meilleur ami, vous serez heureux, croyez-en votre Sophie. Vous l'aimez avec tant de tendresse que son bonheur assurera le vôtre. Mais, papa, apprenez—moi ce qu'il faut que je fasse. Théodore, vous le savez est dans le chagrin, son père va mourir. Comment l'informer de notre bonheur?—„Quoi, mon enfant, vous vous pressez tant de me quitter“.—„Non, non, mon père, mais je suis heureuse et il ne l'est pas“. Le Comte en l'embrassant lui dit: „Allez vous habiller, Sophie. Je veux que vous soyez ce soir au bal du Comte O. Dans ce moment nous sommes trop émus tous les deux. Séparons-nous, tâchons de nous calmer“. Elle obéit. elle ne pouvait répondre, son bonheur, l'accablait. Pauvre Sophie, que tu vas payer cher ce moment. A peine eut-elle quitté son père, qu'ivre de joie, elle courut à sa gouvernante, à sa plus tendre amie et lui dit: „Chère bonne, combien je suis heureuse! Oh! quel père le ciel m'a donné! J'aime Théodore, je l'ai dit à mon père, à cet excellent père! Il consent à mon bonheur! Il me donne à lui! Oh! félicitez-moi, embrassez-moi donc, ne me quittez jamais! Théodore vous chérira, vous vivrez avec nous, nous ne nous séparerons pas. Oh! comme nous serons heureux!“ Elle sautait, pleurait, riait, faisait tout ce que l'on fait à seize ans quand on obtient ce que l'on désire. Elle se souvint pourtant de l'ordre de son père. Jamais elle ne l'avait autant aimé que ce jour-là. Elle fit sa toilette, et elle eut grand soin de ne se parer que des choses qui plaisaient le plus au Comte. C'était une coiffure bien plate, bien basse, des diamants en quantité sur la tête, entremêlés de rubans couleur de feu; un large velours noir au col, comme un collier de chien; elle ne se regardait pas au miroir, mais répétait sans cesse à ses femmes: „Que je plaise à mon père, je vous en prie, que je lui plaise! Oh! comme j'aime mon père!“ Enfin quand elle fut prête, elle descendit chez sa mère et fut charmée de ne pas la trouver seule. Elle sentait bien qu'il fallait lui confier la conversation qu'elle avait eue avec son père et lui demander aussi son consentement. Ce fut en voiture qu'elle entama son discours. La Comtesse lui répondit: „Mademoiselle, puisque sans m'informer de rien, vous avez sollicité et obtenu celui de monsieur votre père, il ne me reste plus qu'à vous féliciter sur votre prochain mariage“.

Combien Sophie fut heureuse quand la voiture entra dans la cour du Comte de O. Elle n'eut que le temps de baiser la main de sa mère et de lui dire: „Chère maman, ne soyez pas fâchée, ne me rendez pas malheureuse“.

Entrée dans la salle de bal, quoi qu'elle ne fut environnée que de ceux qu'elle voyait tous les jours, il lui sembla être dans un pays tout

и позаботилась надѣть тѣ украшенія, которыя больше всего нравились графу. Это была очень низкая, очень гладкая прическа, на головѣ много брилліантовъ въ перемежку съ лентами огненнаго цвѣта; на шеѣ широкая черная бархатка, вродѣ ошейника; она не смотрѣлась въ зеркало, но безпрестанно повторяла своимъ служанкамъ: „Чтобы я понравилась батюшкѣ, пожалуйста, чтобы я ему понравилась. О, какъ я люблю батюшку!“ Наконецъ, когда она была готова, она сошла внизъ къ матери и была въ восторгѣ, заставъ ее не одну. Она отлично понимала, что нужно было передать ей разговоръ, который былъ у нея съ отцомъ, и попросить также и ея согласія. Въ каретѣ она начала разговоръ. Графиня отвѣчала ей: „милостивая государыня, такъ какъ вы, не сказавъ мнѣ ничего, просили согласія у вашего батюшки и получили его, мнѣ остается только поздравить васъ съ предстоящимъ бракомъ“.

Какъ счастлива была Софи, когда карета вѣхала во дворъ графа О. Она успѣла только поцѣловать у матери руку и сказать ей: „Дорогая матушка, не сердитесь, не дѣлайте меня несчастной“.

Хотя она и была окружена людьми, которыхъ видѣла каждый день, но войдя въ большую залу ей казалось, что она находится въ совсѣмъ новой странѣ. Она никого не узнавала. И хотя она была увѣрена, что не увидитъ Федора, потому что онъ не отходитъ отъ отца, смерть котораго ожидали съ минуты на минуту, она вездѣ искала его. Это состояніе продолжалось до пріѣзда четы, которую я изъ уваженія не называю. Благодарность и другія чувства, которыя она питала къ нимъ, вывели ее изъ состоянія, подобнаго счастливому оцѣпенѣнію. Она не могла сдержатъ своихъ чувствъ, подошла къ нимъ и сказала шепотомъ: „Ваше высочество удѣлите мнѣ одну минуту, ради Бога.“ — „Хорошо, крошка, пойдемте вмѣстѣ въ другую комнату. Что съ вами случилось? У васъ такой странный видъ. Это не тайна отъ моего мужа?“ Софи поцѣловала у нея руку и сказала: „О Ваше высочество, вѣдь я вамъ такъ обязана! Развѣ я могу не рассказать вамъ всего“. Тогда она рассказала имъ все, что она говорила отцу, матери, рассказала такъ же подробно, какъ я только что описала. Они выслушали не только милостиво и терпѣливо, но и съ удовольствіемъ. Они такъ любили Федора, они знали, что онъ мужественно переноситъ свое горе, и, чтобы утѣшить его, пожелали сейчасъ же сообщить ему о поступкѣ Софи, который ей такъ удался. Поэтому, вернувшись въ большую залу, они приказали одному изъ его друзей, котораго встрѣтили, тотчасъ же отправиться къ нему и объявить ему о его счастья, поздравить его отъ нихъ и спросили Софи, не хочетъ ли она передать ему нѣсколько словъ. Она очень умно поручила посланному передать

nouveau. Elle ne reconnaissait personne. Et quoi qu'elle fût bien sûre de ne pas y voir Théodore qui ne quittait pas son père dont on attendait le dernier soupir, elle le cherchait partout. Cet état dura jusqu'à l'arrivée du couple que par respect je ne nomme pas. La reconnaissance, tous les sentiments qu'elle éprouvait pour eux, la tirèrent de cette espèce d'heureuse apathie. Rien ne put la retenir, elle s'approcha d'eux et dit bien bas: „Madame, accordez-moi un instant, de grâce“.—„Allons petite, venez avec moi dans une autre chambre. Qu'est-ce qui vous est arrivé? Vous avez un air tout singulier. Mon mari peut-il être du secret?“ Sophie lui baisa la main et dit: „O mon Seigneur, venez donc, vous à qui je dois tant! Puis-je ne pas tout vous dire“. Elle leur raconta alors tout ce qu'elle avait dit à son père, à sa mère, avec les mêmes détails dont je viens de vous faire part. Ils l'écoutèrent, non seulement avec patience et bonté, mais même avec plaisir. Ils aimaient tant Théodore, ils le savaient si fort dans le chaërin que pour le consoler ils voulurent tout de suite l'informer des démarches que Sophie avait faites et qui lui avaient si bien réussi. Pour cet effet, en rentrant dans la salle du bal, ils ordonnèrent à un de ses amis qu'ils aperçurent, d'aller tout de suite chez lui pour lui annoncer son bonheur et l'en féliciter de leur part, et demandèrent à Sophie si elle ne lui ferait pas dire un petit mot. Très spirituellement, elle chargea le commissionnaire de faire ses compliments à Théodore, en lui disant cela elle fit une belle révérence qui fit bien rire ses protecteurs. En rentrant chez elle, Sophie se trouvant seule avec ses parents voulut encore leur exprimer son bonheur, sa reconnaissance, mais le Comte l'en empêcha. „Allez vous coucher, mon enfant, mon émotion est trop vive, trop forte; je ne doute pas que vous ayez tout dit à votre mère. Mais moi je ne lui ai pas encore parlé. Laissez nous. Tâchez de dormir. Une promesse ne doit point avoir l'air abattu que vous donnerait une mauvaise nuit. Mais un père qui se sépare de sa fille chérie en passe d'horribles surtout quand il tremble pour son sort“. Ces derniers mots, quoi qu'ils assurassent encore le consentement du Comte, attérèrent Sophie et sans savoir pourquoi tout son bonheur, toute sa joie s'évanouit. Elle me l'a dit mille fois, que quoi qu'elle eût été bien malheureuse depuis, jamais elle n'avait éprouvé un sentiment plus pénible et plus impossible à définir*). Elle baisa la main de son père, de sa mère, sans sourire, sans pleurer, se trouva dans sa chambre sans savoir comment elle y était venue. Je ne sais si elle se coucha. Je ne le crois pas au moins.

---

*) A présent que je sais quel était ce sentiment, je crois que c'est celui que l'on doit nommer «pressentiment».

ея привѣтъ Теодору, и при этихъ словахъ низко поклонилась ему, что очень насмѣшило ея покровителей. Возвратившись домой и оставшись наединѣ съ родителями, Софи еще разъ хотѣла выразить имъ все свое счастье, всю свою благодарность, но графъ не допустилъ этого:

„Ложись спать, дитя мое, я слишкомъ глубоко и сильно взволнованъ: я не сомнѣваюсь, что ты все рассказала матери. Но я еще не говорилъ съ ней. Оставь насъ. Постарайся заснуть. Невѣста не должна имѣть унылаго вида, который будетъ у тебя послѣ безсонной ночи. Но отецъ, разставаясь съ любимой дочерью, проведетъ не одну ужасную ночь, особенно, если онъ непокоенъ за ея участь“. Последняя слова, хотя и подтверждали согласіе графа, огорчили Софи, и, неизвѣстно почему, все ея счастье, вся ея радость пропали. Она тысячу разъ говорила мнѣ, что хотя потомъ она была очень несчастна, она никогда не испытывала болѣе тяжелаго чувства, опредѣлить которое невозможно¹⁾. Она поцѣловала руку у отца, у матери, не улыбаясь, но и не плача и очутилась въ своей комнатѣ, сама не зная, какъ она туда попала. Не знаю, легла ли она спать. Я по крайней мѣрѣ думаю, что нѣтъ.

Глава VI.

На другой день Софи была дежурной, ей пришлось отправиться ко Двору. Такъ какъ она боялась опоздать, то была очень недовольна, видя, что Базиль велѣлъ остановить ея карету и сѣсть въ нее, сказавъ, что ему нужно переговорить съ ней. Короткій путь до дворца они проѣхали вмѣстѣ. Базиль сказалъ ей, что отецъ Теодора только что скончался, что онъ ѣдетъ прямо отъ него, что Теодоръ въ большемъ горѣ, въ глубокомъ отчаяніи, что онъ, Базиль, по возможности не разстается съ нимъ.

Горе молодого друга заставило Софи позабыть то, что она испытала нѣсколько часовъ тому назадъ; она думала только о немъ. Затѣмъ братъ началъ говорить ей о себѣ самомъ, о сдѣланныхъ имъ долгахъ, о томъ, что онъ безпокоится, какъ бы отецъ не узналъ о его безразсудствѣ; онъ просилъ Софи все устроить, попросить графа—отца не сердиться на него, но, главное, заплатить долги. Они пріѣхали, и въ ту минуту, когда она выходила изъ кареты, онъ передалъ ей сложенную въ нѣсколько разъ бумажку и она спокойно опустила ее въ карманъ,²⁾ думая, что тамъ были указанія, какъ ей хлопотать передъ отцомъ, чтобы успокоить Базиля. Каково же было ея удивленіе когда, возвратясь домой и раздѣвшись, она взглянула и увидѣла незнакомый

¹⁾ Теперь, когда я знаю, что это за чувство, я думаю, что это то, что называютъ „предчувствіемъ“.

²⁾ Тогда еще не было моды обрисовывать фигуру, всѣ носили карманы и „панье“.

Chapitre VI.

Le lendemain, étant de service, elle fut obligée d'aller à la Cour. Comme elle craignait de tarder, elle fut très mécontente de voir Basile faire arrêter sa voiture, monter dedans, lui disant qu'il avait à lui parler. Ils firent donc ensemble le peu de chemin qui restait jusqu'au château. Basile lui dit que le père de Théodore venait de mourir, qu'il en venait, que Théodore était dans la douleur, dans l'accablement le plus profond, que lui Basile ne le quitterait que le moins possible. Le chagrin de son jeune ami fit oublier à Sophie tout ce qu'elle avait éprouvé depuis quelques heures; elle ne songea qu'à lui. Son frère lui parla ensuite de lui-même, des dettes qu'il avait contractées, de l'inquiétude qu'il avait que son père ne fut informé des folies qu'il avait faites; il pria Sophie de tout arranger, d'obtenir du Comte leur père qu'il ne se fâchât pas, mais que surtout il payât. Ils arrivèrent et au moment où elle descendait de voiture, il lui remit un papier simplement plié que très tranquillement elle mit dans sa poche*), croyant que c'était l'explication des démarches qu'elle devait faire auprès de son père pour tranquilliser Basile. Mais quelle fut sa surprise lorsque rentrée chez elle, après s'être déshabillée, elle jeta les yeux dessus et vit une écriture inconnue. Son coeur battit avec violence, elle n'avait pourtant rien lu encore. Mais que devint-elle aux premiers mots? „Mon père vient de mourir“. Comme Sophie ne faisait comme une autre, qu'elle savait que ses parents ne devaient rentrer que tard, elle dit à sa gouvernante que ne se trouvant pas bien elle ne voulait pas dîner, qu'elle désirait rester seule pour tâcher de dormir vu que tout ce qu'elle avait éprouvé la veille lui avait fait passer une nuit toute blanche, qu'elle la priait donc d'empêcher qu'on entrât dans son appartement. Lorsqu'elle fut bien sûre d'être seule, de n'être point interrompue, elle s'examina, récapitula bien tout ce qui s'était passé depuis vingt-quatre heures et se dit: „J'aime Théodore de toutes les facultés de mon âme, mais je n'ai que seize ans. Suis-je sûre de l'aimer toujours? ..Tout son coeur lui répondit: Oh! oui, bien sûrement! Mon père avec tant de bonté a consenti à mon union avec lui. J'ai rempli mon devoir en instruisant mes parents de mes sentiments au moment même qu'ils m'ont été connus à moi-même. Mais d'où vient donc celui si pénible que j'éprouvais hier soir en quittant mon père? Il était naturel, il ne doit point m'inquiéter. J'adore mon père, je le voyais tris-

---

*) La mode de dessiner les formes n'existait pas encore, on portait poches et paniers.

почеркъ. Сердце ея забилось, хотя она не успѣла еще ничего прочитывать. Но что случилось съ ней при первыхъ же словахъ? „Мой отецъ только что умеръ.“ Такъ какъ Софи поступала не такъ, какъ всѣ, такъ какъ она знала, что ея родители поздно вернутся домой, она сказала своей воспитательницѣ, что, чувствуя себя нездоровой, не хочетъ обѣдать, а желаетъ остаться одна и постарается заснуть, потому что изъ за пережитыхъ наканунѣ волненій она провела бессонную ночь и потому просить, чтобы никто не входилъ въ ея покои. Убѣдившись, что она совершенно одна, что ей никто не помѣшаетъ, она обсудила, припомнила все происшедшее въ послѣдніе двадцать четыре часа и сказала самой себѣ: „Я люблю Федора всѣми силами моей души, но мнѣ только шестнадцать лѣтъ. Увѣрена ли я въ томъ, что всегда буду любить его?“ И отъ всего сердца отвѣтила: „О, конечно, да! Отецъ былъ такъ добръ, далъ согласіе на мой бракъ съ нимъ. Я исполнила свой долгъ, сообщивъ родителямъ о своемъ чувствѣ, какъ только я сама сознала ихъ. Но откуда же то тягостное чувство, которое я испытала вчера, разставаясь съ отцомъ?

Оно вполнѣ естественно, оно не должно меня тревожить. Я обожаю своего отца, я видѣла его грустнымъ, онъ такъ нѣжно меня любить, что, не смотря на то, что Федоръ ему нравится, онъ не видитъ въ немъ соединенія всѣхъ качествъ, которыхъ желалъ бы для меня. Мой отецъ все доводитъ до крайности, онъ опасается, какъ бы я не была несчастна, если мы не будемъ такъ богаты, какъ онъ. Вотъ что его огорчаетъ, и отсюда этотъ испугавшій меня видъ, съ которымъ онъ сказалъ, что будетъ проводить ужасныя ночи. Нѣтъ, батюшка, мой дорогой батюшка, вы будете счастливы счастьемъ своей Софи, вы будете спокойно спать, не страшась за ея судьбу, какъ я была глупа, когда огорчалась тѣмъ, что, наоборотъ, должно было бы увеличить мое счастье. Добрый отецъ, какъ онъ меня любитъ! И такъ, я увѣрена въ его согласіи.

Что касается меня, то я люблю Федора! Я это сказала, стало быть это на всю жизнь. Я буду принадлежать ему, или никому. Значить я могу распечатать его письмо, прочитать его, отвѣтить на него. Могу ли я не дать ему такое же счастье, которое сама ощущаю отъ увѣренности въ его любви ко мнѣ! Бѣдный Федоръ! Онъ должно быть такъ несчастливъ! Потерять отца! Великій Боже! Сохрани мнѣ моего!“

Вотъ моя причудница Софи, имѣвшая твердость произнести всю эту рѣчь даже болѣе длинную, беретъ наконецъ письмо Федора, все еще лежавшее передъ ней неразвернутымъ.

Вотъ его содержаніе: „Мой отецъ только что скончался, я потерялъ друга; одно чувство къ вамъ, наполняющее мое сердце, мо-

te, il m'aime avec tant de tendresse que quoique Théodore lui plaise, il ne trouve pas en lui la réunion de tous les biens qu'il me désire. Mon père est extrême en tout, il craint que parce que nous ne serons pas aussi riche que lui, je ne me trouve malheureuse. C'est ce qui l'afflige et lui faisait dire de cet air qui me parut si terrible qu'il passerait d'horribles nuits. Non, mon père, mon tendre père, vous serez heureux du bonheur de votre Sophie, vous dormirez tranquille sur son sort, que j'étais sotte de m'affliger de ce qui doit au contraire augmenter mon bonheur. Ce bon père, comme il m'aime! Je suis donc sûre de son consentement. Quant à moi, j'aime Théodore! Ja l'ai dit, donc c'est pour la vie. Je serai à lui ou jamais à personne. Je puis donc ouvrir sa lettre, la lire, y répondre. Puisse-je lui rendre tout le bonheur que la certitude de son amour me donne! Pauvre Théodore! Qu'il goit étre malheureux! Perdre son père! Grand Dieu! Conserve-moi le mien!

Voilà donc ma singulière Sophie qui avait eu la constance de faire tout ce monologue et bien plus long encore, qui prit enfin la lettre de Théodore, toujours restée pliée devant elle. En voici le contenu: „Mon père vient de mourir, j'ai perdu mon ami; le sentiment dont vous remplissez mon cœur peut seul me soutenir. Le prince A., au moment où tout entier à la nature j'étais auprès de mon père, m'a porté de la part de mon bienfaiteur, j'ose dire de mon ami, l'unique consolation que je puisse goûter. Quoi, vous m'aimez! Votre respectable père m'accorde le titre de son fils! Vous serez à moi! Oh! pourquoi ne l'ai-je pas su un moment plus tôt? Celui que je pleure, en mourant eût emporté la certitude de mon bonheur. Cette idée eût adouci ses derniers instants. Je vous écris sans savoir si je le puis, si je le dois. Répondez-moi pour m'y autoriser ou me le défendre. Mon cœur est combattu, oppressé de sentiments si opposés que je ne puis les définir. Je vous le dis pour la première fois, quoi que vous le sachiez depuis longtemps et vous le répéterez jusqu'à mon dernier soupir“.

Après avoir fini la lecture de cette let(t)re Sophie se dit: Toutes mes réflexions sont faites, j'aime Théodore avec la plus grande tendresse, je ne puis être qu'à lui, rien, non, rien ne peut m'en empêcher, même l'opposition de mes parents si elle était possible. Pourquoi hésiterais-je à lui répondre, puisque je me donne à lui? Sans s'arrêter un instant de plus elle lui écrivit: „Vous ne pouvez me connaître encore que bien imparfaitement. C'est à moi à vous faire lire dans mon cœur. Je compte sur votre amour, sur sa durée même. Si vous chargiez jamais, il n'est plus en votre pouvoir de me détacher de vous. Avant d'ouvrir votre

жетъ поддержать меня. Въ ту минуту, когда мои мысли были полны только отцомъ моимъ, князь А. принесъ мнѣ извѣстіе отъ моего благодѣтеля, осмѣливаюсь сказать—друга, единственное утѣшеніе, способное поддержать меня. Какъ, вы меня любите! Вашъ достойный отецъ согласенъ назвать меня своимъ сыномъ!

О, почему же я не узналъ объ этомъ на нѣсколько минутъ раньше? Тотъ, кого я оплакиваю, умирая, былъ бы увѣренъ въ моемъ счастьи. Эта мысль облегчила бы ему послѣднія минуты.

Я пишу вамъ, самъ не зная, могу ли, смѣю ли я дѣлать это. Отвѣтите мнѣ, разрѣшаете, или же запрещаете вы мнѣ это. Мое сердце поражено столь противоположными чувствами, что я затрудняюсь опредѣлить ихъ. Я люблю васъ, въ первый разъ говорю вамъ это, хотя вы ужъ давно знаете объ этомъ, и буду повторять вамъ это до послѣдняго вздоха“.

Окончивъ чтеніе письма, Софи сказала себѣ: Я все обдумала, я люблю Федора съ величайшей нѣжностью, я могу принадлежать только ему, ничто, нѣтъ, ничто не можетъ помѣшать мнѣ, даже несогласіе родителей, если бы оно было. Зачѣмъ же раздумывать о томъ, должны ли я отвѣчать ему, разъ я отдаюсь ему? Не останавливаясь ни на минуту, она написала: „Вы еще не могли какъ слѣдуетъ узнать меня. Я должна открыть вамъ свою душу. Я надѣюсь на вашу любовь, и на время. Если вы когда нибудь измѣнитесь, не будетъ въ вашей власти оторвать меня отъ васъ. Я много думала, прежде чѣмъ вскрыть ваше письмо, я старалась заглянуть въ самую глубину сердца. Я нашла, что оно всецѣло принадлежитъ вамъ. Тамъ нѣтъ ни одного чувства, которое не было бы вашимъ. Отдаю его вамъ все безъ остатка; знайте, что когда Софи любитъ и говоритъ объ этомъ, это значитъ на всю жизнь, что она не сказала бы этого никому, кромѣ того, кто будетъ ея супругомъ. Съ этой минуты я считаю, что я ваша. Мои чувства, мысли, все мое существованіе принадлежать вамъ. Я не шлю вамъ утѣшенія въ ужасной утратѣ, которую вы только что понесли. Великій Боже! Потерять отца! Я обожаю своего, но не забывайте, что я вашъ другъ, и это на всю жизнь.“

Такова была Софи. Вы конечно осудите ее за ту легкость, съ которою она прочитала письмо Федора и отвѣтила на него. Что касается ее, то она ни въ чемъ не сдѣлала себѣ ни малѣйшаго упрека; наоборотъ, она никогда бы не простила себѣ, если бы заставила его ждать ея признанія въ чувствѣ, которое влекло ее къ нему, потому что она знала, что не могла ничего измѣнить, что любовь связывала ее на всю жизнь.

Пришли сказать ей, что ея отецъ и мать возвратились и удивляются, не видя ее. Она сошла внизъ, поцѣловала ихъ съ такимъ удовольствіемъ, какого никогда раньше не испытывала.

lettre, j'ai bien réfléchi, j'ai voulu pénétrer dans les replis les plus cachés de mon coeur. Je l'ai trouvé tout à vous. Pas un sentiment qui ne fut pour vous. Je vous le donne tout entier, et sachez que quand Sophie aime et le dit c'est pour la vie, que jamais non plus elle ne l'aurait avoué qu'à celui qui sera son époux. Dès cet instant je me regarde comme à vous. Mes sentiments, mes pensées, mon existence entière vous appartiennent. Je ne puis vous engager à vous consoler de la perte horrible que vous venez de faire. Grand Dieu! Un père! J'adore le mien, mais n'oubliez pas que je suis votre amie et que c'est pour toujours.

Voilà quelle était Sophie. Vous la blâmerez sûrement de la facilité avec laquelle elle reçut et répondit à la lettre de Théodore. Pour elle, elle ne s'en fit pas même le plus léger reproche; au contraire elle ne se serait jamais pardonné de le faire languir pour lui avouer le sentiment qui l'entraînait vers lui, puisqu'elle savait qu'elle ne pouvait plus en changer, que sa vie était attachée à son amour.

On vint l'avertir que son père et sa mère étaient rentrés et s'étonnaient de ne pas la voir. Elle descendit, les embrassa avec une satisfaction qu'elle n'avait encore jamais éprouvée. Elle était heureuse; plus d'inquiétude sur son amour, sur son sort; il avait été fixé la veille par le consentement du Comte et elle venait de le décider par sa lettre à Théodore.

Chapitre VII.

Cependant toutes les sensations que Sophie avait éprouvées, les réflexions qu'elle avait faites lui donnaient un air sérieux qui étonna son père qui s'était attendu à la voir dans l'ivresse du bonheur. Il fut assez tendre avec elle, mais il avait un certain air contraint qui ne put échapper à mon héroïne; il soupirait en la regardant, souriait pour le lui cacher, prétextait avoir à écrire pour l'empêcher de se tenir près de lui, ce qui toujours était sa place ordinaire. Comme il y avait quelques personnes chez lui, il ne fut pas question du mariage de Sophie; elle passa sa soirée au clavecin (elle était très bonne musicienne, il faut être juste), elle rêva à son bonheur. A souper, tout d'un coup le Comte devint fort gai. Il caressait beaucoup Sophie, la regardait sans cesse. Quand, pour aller se coucher, elle vint dire bonsoir à son père, comme elle était habillée toute en blanc et un velours noir au col, puisque c'était le goût du Comte, il lui dit à l'oreille: „Ma Sophie, vous êtes en

Она была счастлива; не было больше беспокойства за свою любовь, за свое счастье; оно было рѣшено наканунѣ, когда графъ далъ согласіе, и подтвердилось ея письмомъ къ Федору.

Глава VII.

Между тѣмъ всѣ пережитыя Софи чувства, всѣ ея размышленія придали ей настолькоъ серьезный видъ, что отецъ, ожидавшій видѣть ее упоенной счастьемъ, очень удивился. Онъ былъ съ нею довольно нѣженъ, но имѣлъ нѣсколько принужденный видъ, что не ускользнуло отъ вниманія моей героини; онъ вздыхалъ, глядя на нее, часто улыбался, чтобы скрыть—это, придумалъ, что ему надо писать, для того, чтобы помѣшать ей быть около него, какъ обыкновенно. Такъ какъ у нихъ были гости, то о свадьбѣ Софи не могло быть никакихъ разговоровъ; она провела все время за клавесиномъ (нужно отдать ей справедливость—она была хорошая музыкантша), она мечтала о своемъ счастьѣ. За ужиномъ графъ вдругъ сразу развеселился. Онъ часто ласкалъ Софи, безпрестанно смотрѣлъ на нее. Когда, передъ тѣмъ какъ итти спать, она подошла къ графу, чтобы пожелать ему покойной ночи, видя, что она была одѣта въ бѣлое платье съ черной бархаткой на шеѣ—этотъ нарядъ былъ во вкусъ графа—онъ сказалъ ей на ухо: Моя Софи, ты носишь трауръ по свекору. Какъ крѣпко она пожала ему руку и какъ нѣжно поцѣловала его! Онъ становился ей еще дороже всякій разъ, когда словомъ или жестомъ подтверждалъ свое согласіе. Посудите сами, что она испытала, когда услышала, что онъ говорилъ о ея бракѣ, какъ рѣшенномъ фактѣ.

Она легла спать очень довольная, счастливая. Она придумала способъ, черезъ Базиля переслать отвѣтъ своему молодому другу; она была увѣрена въ томъ, что дастъ ему счастье, насколько это возможно на другой день послѣ смерти отца. Графъ такъ чудесно подтвердилъ свое согласіе, что она легла спать въ самомъ счастливомъ спокойствіи. Поблагодаривъ Бога за то, что онъ далъ ей такого отца, какъ графъ, и такого друга, какъ Федоръ, она восхитительно заснула, но въ ту самую минуту, какъ ей началъ сниться прекрасный сонъ (каждая героиня романа должна грезить), она услышала, что дверь открылась и увидѣла, что ея мать вошла въ комнату и сказала ей съ кроткимъ видомъ, который она имѣла всегда: „Я пришла къ тебѣ отъ отца; вчера и сегодня мы только и говорили, что о смѣшномъ бракѣ, въ который ты собираешься вступить, и мы вполне увѣрены, что хорошенько подумавши, ты сама будешь краснѣть отъ одной мысли о немъ. Какъ, дочь графа Женитовскаго будетъ только женою Федора Рениновскаго!

deuil de votre beau-père." Comme elle lui serra la main et comme elle le baisa tendrement! Chaque fois que par un mot, un signe, il lui assurait son consentement, il lui devenait plus cher. Jugez donc de ce qu'elle éprouva quand elle l'entendit parler de son union comme d'une chose faite.

Elle fut se coucher, bien heureuse, bien contente. Elle avait trouvé le moyen d'envoyer par Basile sa réponse à son jeune ami; elle était sûre de lui avoir donné tout le bonheur qu'il pouvait goûter le lendemain de la mort de son père. Le Comte avait si délicieusement confirmé son consentement qu'elle se coucha avec la plus heureuse tranquillité. Après avoir bien remercié Dieu de lui avoir donné un père comme le sien et un ami comme Théodore, elle s'endormit délicieusement, mais au moment où peut-être elle faisait un rêve charmant (car une héroïne de roman doit rêver), elle entendit ouvrir sa porte et fut fort surprise de voir entrer sa mère qui de l'air doux qu'elle avait toujours lui dit: „Je viens de chez votre père; hier et aujourd'hui nous n'avons fait que parler du ridicule mariage que vous voulez faire et nous sommes bien persuadés que lorsque vous y aurez pensé vous rougirez vous-même d'en avoir eu l'idée. Quoi, la fille du Comte Genitovskoy ne serait que la femme d'un Théodore Réminovsky! Vous qui êtes recherchée par tout ce qu'il y a de mieux, c'est lui que vous préférez! Cela est impossible! Vous croyez l'aimer parce qu'il a une jolie figure, mais soyez bien sûre que ce goût vous passera et que vous vous repentirez, mais trop tard, du sot choix que vous aurez fait. C'est pour ne pas vous exposer à cet affreux malheur, que moi qui vous connais et vous accorde les sentiments qu'une fille bien née doit avoir, j'ai répondu pour vous à votre père que très certainement dès ce moment-ci vous ne songeriez plus à une union si disproportionnée, et que vous vous trouveriez trop heureuse de ne faire que ce qui lui plaira ainsi qu'à moi. Donc, il vous défend par moi de songer à Théodore“.

Sophie qui avait écouté sa mère bien patiemment, ce qui était un effort prodigieux pour son caractère, lui répondit avec une douceur aussi vraie que l'avait été celle de la Comtesse dans ce moment-là: „Vous avez eu tort, Madame, j'ose vous le dire, de répondre pour moi. Je ne crois pas aimer Théodore comme il vous plaît de le dire, mais je suis bien sûre de mon sentiment et je sais qui c'est pour la vie. Je vous dirai plus, il en est informé. Donc, je serai à lui ou à personne. Ni mon père, ni vous, Madame, ne m'en entendrez plus parler si vous me le défendez, mais jamais ni mon père ni vous ne me ferez changer de sentiment. Je dépends de vous, je le sais. Mais ce que je sais encore

Къ тебѣ сватаются самые лучшіе женихи, а ты предпочитаешь его! Это невозможно! Ты думаешь, что любишь его, потому что у него красивое лицо, но будь увѣрена, что твой вкусъ скоро измѣнится и ты будешь раскаиваться, что сдѣлала такой глупый выборъ, но будетъ поздно. Поэтому для того, чтобы избавить тебя отъ такого ужаснаго несчастія, я, прекрасно зная тебя, питаю къ тебѣ чувства, которыя должна имѣть всякая родовитая дочь, я за тебя сказала твоему отцу, что ты сію же минуту откажешься отъ столь неподходящаго брака, и будешь чувствовать себя счастливой, поступая такъ, какъ нравится ему, а также и мнѣ. Итакъ, онъ черезъ меня запрещаетъ тебѣ думать о Федорѣ.“

Софи, терпѣливо выслушавши свою мать—что, при ея нравѣ стоило ей громадныхъ усилій, отвѣчала ей съ такою же кротостью, съ какою минуто тому назадъ говорила графиня: „Вы ошиблись, Сударыня, я сама осмѣливаюсь отвѣчать за себя. Я люблю Федора не такъ, какъ вамъ было угодно высказать, но я вполнѣ увѣрена въ своемъ чувствѣ и знаю, что полюбила его на всю жизнь. Я скажу больше, ему это извѣстно. Стало быть, я буду принадлежать или ему, или никому. Ни отецъ мой, ни вы, Сударыня, больше не услышите о немъ ни слова, разъ вы мнѣ это запрещаете, но ни отецъ, ни вы, не заставите меня измѣнить своего чувства. Я въ зависимости отъ васъ, я это знаю. Но еще лучше я знаю то, что никогда не выйду замужъ безъ вашего согласія. Я сдѣлаю все, чтобы вы добровольно дали мнѣ его, если я добьюсь своего, я буду обязана счастьемъ только себѣ самой. Получивъ согласіе отъ васъ обоихъ, я была бы вдвое счастливѣе. Такъ какъ надо отказаться отъ мысли, которую отецъ мой со вчерашняго дня укрѣплялъ, я прошу Бога послать мнѣ силу для того, чтобы мужественно, а главное покорно перенести все, что готовится и что можетъ меня сломить. Я отлично знаю и вспыльчивость батюшки, но я также хорошо знаю свою твердость и свою любовь. Раньше, чѣмъ я какъ слѣдуетъ поняла самое себя, я говорила съ отцомъ; полагаясь на его отвѣтъ и на его отношеніе къ моимъ словамъ, я отдалась своей любви, я приняла окончательное рѣшеніе, оно непоколебимо. Я люблю Федора, я могу быть счастлива только съ нимъ.“

Итакъ, я буду принадлежать только ему, и перемѣню громкое имя Женитовскихъ только на его имя. Такъ какъ вы получили приказанія отъ отца, будьте добры, я умоляю васъ, Сударыня, передайте ему мой отвѣтъ, увѣрьте его, что я его уважаю, что я подчиняюсь его волѣ, что я докажу ему это, не докучая ему больше ни одной просьбой; но, въ тоже самое время, будьте увѣрены въ томъ что, я буду принадлежать или Федору, или никому.“

mieux, c'est que jamais je ne me marierai sans votre consentement. Je ferai tout pour l'obtenir de votre bonté; si j'y parviens même, ce ne sera plus qu'à moi-seule que je devrai mon bonheur. Le tenant de vous deux il eût été double. Puisqu'il faut renoncer à cette idée que depuis hier mon père a fortifiée sans cesse, je demande à Dieu de pouvoir supporter avec courage et surtout avec résignation ce qui se prépare pour m'accabler. Je connais parfaitement le despotisme et la vivacité de mon père, mais mon amour et ma fermeté me sont tout aussi bien connus. Avant de me bien comprendre moi-même j'ai parlé à mon père; c'est sur sa réponse et la manière dont il l'a faite que je me suis livrée à mon amour, que j'ai pris ma résolution; elle est inébranlable. J'aime Théodore, je ne puis être heureuse qu'avec lui. Donc, je ne serai qu'à lui et ne quitterai le superbe nom de Genitovskoy que pour prendre le sien. Puisque vous vous êtes chargée des ordres de mon père, veuillez, je vous en supplie, Madame, lui porter ma réponse, l'assurer de tout mon respect pour lui, de ma soumission, dont je lui donnerai une bien grande preuve en ne l'importunant plus d'aucune prière; mais en même temps, soyez bien persuadés tous deux que jamais si je ne suis à Théodore je ne serai à aucun autre“.

Sa mère parla beaucoup encore, sur tous les tons, mais cela ne servit qu'à faire répéter à Sophie de cent manières différentes qu'elle aimait Théodore et n'aimerait que lui. Quand sa mère l'eut quittée, qu'elle se trouva seule, tout ce qu'elle éprouva, cette malheureuse enfant, est inimaginable. Elle avait été si heureuse quelques instants auparavant! D'où pouvait venir ce cruel changement, survenu dans l'esprit du Comte? Elle eut beau se le demander, elle n'y comprenait rien. Enfin elle se dit: Au lieu de chercher une cause à une chose qui n'en a pas, que le caprice et la faiblesse ont décidée, et puisque l'on se joue du bonheur de ma vie entière, ja ne dois pas le négliger; je ne suis plus à moi, je me suis donnée à Théodore, c'est à lui que je suis responsable de toute ma conduite. Voyons donc celle que je dois tenir. Rien ne me fera manquer à ce que je dois à mes parents, mais leurs droits ne peuvent s'étendre sur mes pensées ni mes sentiments, ou bien j'aurai la faculté d'en changer comme eux. Or, je sens que cela est impossible. J'aurai donc pour eux toute la docilité qui est en mon pouvoir; à moins qu'ils ne me parlent eux-mêmes de Théodore, il n'en sera plus question entre nous. Je renonce, puisqu'ils le veulent, à lui, au bonheur à seize ans. Ce sacrifice est affreux, mais jamais non plus pour complaire à mes parents et avoir la paix, je ne me rendrai coupable d'une bassesse en donnant ma main à quelque autre. Etant aimée de Théodore, en étant

Ея мать говорила еще много на всѣ лады, но это приводило только къ тому, что Софи въ различныхъ выраженіяхъ повторяла, что любить Федора и не будетъ любить никого другого. Трудно представить себѣ, что испытало бѣдное дитя, когда мать ушла отъ нея и она осталась одна. Нѣсколько минутъ тому назадъ она была такъ счастлива! Откуда могла явиться такая жестокая переменѣна въ умѣ графа? Напрасно она спрашивала себя объ этомъ, она ничего не понимала. Наконецъ она сказала: „Вмѣсто того, чтобы искать причины тамъ, гдѣ ея нѣтъ, гдѣ прихоти и слабость рѣшаютъ все, когда играютъ счастьемъ всей моей жизни, я не должна относиться къ этому небрежно; я больше не принадлежу себѣ, я отдалась Федору, передъ нимъ я буду отвѣчать за всѣ свои поступки. Посмотримъ же, какъ я должна дѣйствовать. Къ родителямъ я должна относиться попрежнему, но ихъ права не могутъ простираться на мои чувства и мысли, или же я ожидаю свойства мѣнять ихъ также, какъ они. Я все же чувствую, что это невозможно. Я буду покорна имъ, насколько буду въ силахъ; по крайней мѣрѣ, если они сами будутъ молчать о Федорѣ, у насъ не будетъ и рѣчи о немъ. Такъ какъ они этого хотятъ, я отказываюсь отъ него, отъ счастья въ шестнадцать лѣтъ. Ужасная жертва, но никогда, ни въ угоду родителямъ, ни для собственнаго спокойствія я неспособна на такую низость, чтобы отдать свою руку другому. Я люблю Федоромъ, я въ этомъ увѣрена, тѣмъ, что мнѣ придется страдать, я могу доказать ему всю нѣжность, наполняющую мое сердце, а поэтому и для меня еще будутъ свѣтлыя минуты; я не стану скрывать ихъ отъ родителей, я не буду такой жестокой, я буду дѣлать все, что можетъ развлечь ихъ и понравиться имъ. Если я когда нибудь получу то, чего желаю, я добуду это только своей собственной кротостью и терпѣніемъ. Я не измѣню своего поведенія для нихъ.“

Но какъ поступить съ Федоромъ? Себѣ я больше не принадлежу, я вся его. Такъ что же! я безпрестанно буду говорить ему объ этомъ, буду это доказывать ему всѣми способами, и мы будемъ ждать, пока батюшкѣ будетъ угодно позволить намъ быть счастливыми. О, это конечно будетъ; онъ любить меня такъ нѣжно, что не сможетъ воспрепятствовать этому!

Моя покорность тронетъ его и онъ самъ прикажетъ намъ быть счастливыми. Я больше не должна тревожиться. Кто знаетъ, можетъ быть онъ просто захотѣлъ испытать меня? Моему отцу часто приходять въ голову странныя мысли, потому что зачѣмъ же онъ прислалъ бы ко мнѣ магушку, среди глубокой ночи, тогда какъ нѣсколько часовъ тому назадъ такъ мягко, съ такой доброй улыбкой сказалъ мнѣ, что я въ траурѣ по моемъ свекрѣ? О, это навѣрное испытаніе! Такъ я ничего ему не скажу, я хочу чтобы онъ самъ пришелъ ко мнѣ.“

sûre, pouvant par tout ce que j'aurai à souffrir lui prouver toute la tendresse dont mon cœur est rempli pour lui, je pourrai encore avoir de bons moments; je ne les cacherai point à mes parents, je n'aurai pas cette cruauté, je continuerai à faire tout ce que je pourrai pour les amuser et leur plaire. Si je puis jamais en obtenir ce que je désire, cela ne peut être que par ma douceur et ma patience; je ne m'en écarterai jamais, voilà pour eux. Mais ce que je dois à Théodore? Je ne m'appartiens plus, je suis toute à lui. Eh bien! je le lui dirai sans cesse, tout le lui prouvera, et nous attendrons qu'il plaise à mon père de nous permettre d'être heureux. Oh! cela sera sûrement, il m'aime avec tant de tendresse qu'il ne pourra y résister! Ma soumission le touchera et lui-même ordonnera mon bonheur. Je ne dois point m'inquiéter. Qui sait même si ce n'est point une épreuve qu'il a voulu faire? Il a souvent des idées singulières, mon père; car pourquoi m'envoyer ma mère au milieu de la nuit, quelques heures après m'avoir dit avec tant de bonté et un si bon sourire que j'étais en deuil de mon beau-père? Oh! sûrement, c'est une épreuve! Allons, je ne lui dirai rien, je veux le voir venir.

Sophie avait beau se dire tout cela, elle n'était pas à son aise. Elle ne savait à quoi attribuer certaine tristesse qu'elle ne pouvait vaincre. Comme elle ne pouvait plus se rendormir, elle se mit à sa harpe jusqu'au moment où l'on fut levé dans la maison.

Chapitre VIII.

Quand Sophie eut fait sa petite toilette et que l'heure d'aller souhaiter le bonjour à son père fut venue, elle frémit sans savoir pourquoi. Cela avait toujours été le moment de la journée qu'elle préférait parce qu'elle pouvait passer quelques instants seule avec lui qu'elle chérissait si tendrement et dont elle était adorée. Elle lui contait toutes les folies qui lui passaient par l'esprit. Mais ce jour-là ce même tête-à-tête la faisait trembler. Il fallut pourtant descendre. Lorsqu'elle s'approcha du Comte pour l'embrasser, comme elle le faisait toujours, il la repoussa et lui dit avec fureur: „Votre mère vous a porté mes ordres auxquels non seulement vous osez répondre mais même résister; vous méritez toutes les punitions. Mais ma bonté vous fera grâce si à l'instant-même vous me jurez de renoncer à Théodore, de ne plus y songer, de ne jamais l'épouser. Jurez-le-moi, et je vous rendrai toute ma tendresse que vous perdez à jamais si vous voulez persister dans votre désobéissance. Dépê-

Напрасно Софи говорила себѣ все это, ей было не по себѣ. Она не знала, чему приписать нѣкоторую грусть, которую не могла побѣдить. Такъ какъ уснуть она больше не могла, она сѣла за арфу, пока всѣ въ домѣ не встали.

Глава VIII.

Когда Софи надѣла утреннее платье и наступило время итти здороваться съ отцомъ, она содрогнулась, сама не зная почему. Она всегда предпочитала это время дня, потому что могла провести нѣсколько минутъ наединѣ съ отцомъ, котораго такъ нѣжно любила и который обожалъ ее. Она говорила ему всѣ глупости которыя приходили ей въ голову. Но сегодня она дрожала при мысли объ этомъ свиданіи. А все таки нужно было итти внизъ. Когда она подошла къ графу, чтобы по обыкновенію поцѣловать его, онъ оттолкнулъ ее и сказалъ съ яростью: „Мать передала тебѣ мои приказанія, на которыя ты не только возражала, но которымъ осмѣлилась противиться; ты заслуживаешь строгаго наказанія. Но я по добротѣ своей прощу тебя, если ты сію же минуту поклянешься мнѣ навсегда отказаться отъ Федора, обѣщаешь даже не думать о немъ, никогда не быть его женой. Поклянись, и я верну тебѣ всю свою любовь, которую ты навсегда потеряешь, если будешь настаивать на своемъ. Спѣши воспользоваться моей добротой.“—„Какая это доброта, великій Боже!“ отвѣчала Софи. „Батюшка, я клянусь вамъ, что не буду принадлежать Федору безъ вашего согласія, совсѣмъ не буду говорить съ вами о немъ, если вы запрещаете мнѣ это, но не думать о немъ, не любить его—это не въ моей власти. Если страхъ и малодушіе и вырвали бы у меня такое обѣщаніе, я обманула бы васъ и согрѣшила бы передъ самой собою. Ваша нѣжность! Но вы не можете лишить меня ея. Что сдѣлала я, чтобы потерять ее? Въ ту минуту, какъ я разгадала свое сердце, я пришла къ вамъ, я ни мгновенья не колебаясь, дала вамъ прочитать все въ моемъ сердцѣ. Вы хвалили мнѣ Федора. вы были согласны на мой бракъ съ нимъ; тысячью драгоценныхъ для меня мелочей вы подтвердили мнѣ свое согласіе. Могла ли я думать, могла ли я подозревать, чтобы мой отецъ, самый лучший, самый нѣжный изъ отцовъ, будетъ забавляться моими страданіями, моимъ отчаяніемъ: что на все мое довѣріе онъ отвѣтитъ самымъ жестокимъ образомъ; что онъ только затѣмъ дастъ мнѣ надежду на счастье, чтобы черезъ двадцать четыре часа отнять ее у меня? Нѣтъ, батюшка, это на васъ не похоже, я не могу этому повѣрить.“ Софи рыдала. не могла больше говорить. Она не могла удержаться на ногахъ, упала въ кресло. Отецъ не долго оставилъ ее въ покоѣ, онъ съ гнѣвомъ обрушился на нее; она держала

chez-vous de profiter de ma bonté". — „Quelle bonté, Grand Dieu, répondit Sophie! Mon père, je jure de ne jamais être à Théodore sans votre consentement, de ne point vous en parler si vous me le défendez, mais de ne point y songer, de ne plus l'aimer n'est pas en mon pouvoir. Si la crainte ou la faiblesse m'en arrachait même la promesse je vous tromperais et me manquerais à moi-même. Votre tendresse! Mais vous ne pouvez m'en priver. Qu'ai-je fait pour la perdre? Au moment où j'ai vu clairement dans mon cœur, je suis venue à vous, je n'ai pas hésité un seul instant à vous y laisser lire. Vous m'avez fait l'éloge de Théodore, vous avez consenti à mon union avec lui; par mille riens qui m'étaient bien précieux vous avez confirmé votre consentement. Pouvais-je croire, pouvais-je soupçonner que mon père, le plus tendre, le meilleur des pères se ferait un jeu de mes peines, de mon désespoir; qu'il répondrait à ma confiance par tout ce qu'il y a de plus cruel; qu'il ne m'aurait donné l'espérance du bonheur que pour me l'ôter vingt-quatre heures après? Non, mon père, cela ne vous ressemble pas, je ne puis le croire". Sophie sanglotait, ne pouvait plus parler. Ne se soutenant plus, elle fut obligée de se jeter sur un fauteuil. Son père ne la laissa pas longtemps tranquille, il l'accabla de toute sa colère; elle la soutint avec respect et résignation. Elle n'ouvrit plus la bouche, ne pouvant que répéter ce qu'elle avait déjà dit. Cela n'aurait servi qu'à aigrir davantage l'humeur de Comte. Après avoir dit à sa fille tout ce que la fureur peut suggérer de plus violent, il la renvoya avec ordre de ne pas s'aviser de jouer l'héroïne de roman, qu'il détestait les pleurs et les lamentations, et que comme elle n'était au monde que pour lui, il ne la voulait voir qu'avec un visage riant. C'est donc de son père que Sophie née franche et remplie de candeur reçut sa première leçon de dissimulation. En quittant le Comte elle passa chez sa mère qui employa tout ce que l'ironie peut avoir de plus amère pour la punir de sa prétendue obstination à aimer Théodore. Elle se réfugia auprès de son amie, de sa gouvernante qui, avec toute la tendresse d'une excellente mère, la pressa, la conjura de renoncer à son jeune ami, de céder aux volontés de ses parents; elle lui fit sentir toute l'étendue de ses devoirs envers eux, le pouvoir que Dieu et la nature leur avaient accordé sur elle; l'expérience qu'ils avaient, la tendresse dont ils lui avaient donné tant de preuves devaient lui être des garants bien sûrs qu'ils ne désiraient que son bonheur. „Cédez, ma chère enfant, continua-t-elle, cédez. Le ciel vous récompensera de votre obéissance; vos parents feront un choix qui sera dirigé par la tendresse qu'ils ont pour vous, vous serez heureuse". — „Moi heureuse, moi la femme d'un autre, non, chère bonne, cela ne sera jamais. Soyez tranquille, votre élève, votre enfant saura être malheureuse mais ne fera

себя такъ же почтительно и покорно. Она больше не открывала рта, потому что могла только повторить то, что уже сказала.

А это только усилило бы гнѣвъ графа. Сказавъ дочери все, что только бѣшенство могло подсказать ему, онъ отослалъ ее, приказавъ ей не разъигрывать изъ себя героиню романа, сказать, что онъ ненавидитъ слезы и жалобы, и такъ какъ она живетъ на свѣтѣ только для него, то онъ желаетъ видѣть ее съ веселымъ лицомъ. Такимъ образомъ Софи, отъ природы откровенная и вполне чистосердечная, именно отъ отца получила первый урокъ притворства. Оставивъ графа, она ушла къ матери, которая пустила въ ходъ всю свою насмѣшливость, чтобы какъ можно строже наказать Софи за ея предполагаемое упорство въ желаніи любить Федора. Она нашла пріютъ у своего друга, у своей воспитательницы, которая съ нѣжностью матери настаивала, заклинала ее отказаться отъ своего молодого друга, уступить волѣ родителей; она дала ей понять, насколько великъ ей долгъ передъ ними и ихъ власть надъ нею, данная имъ Богомъ и природой; какъ великъ ихъ опытъ, ихъ нѣжность, которую они много разъ доказали ей и которая служить залогомъ того, что они желаютъ ей только счастья. „Уступите, дорогое дитя, продолжала она, уступите. Небо вознаградитъ васъ за ваше послушаніе; ваши родители, руководствуясь своей любовью къ вамъ, сдѣлаютъ выборъ и вы будете счастливы.“ — „Я счастлива, я жена другого, нѣтъ, дорогая няня, этого никогда не будетъ. Будьте покойны, ваша воспитанница, ваше дитя сумѣетъ быть несчастной, но никогда не сдѣлаетъ ничего такого, чего вы не одобрили бы. Безъ согласія родителей я никому не отдамъ своей руки, но я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы добиться своего. Что касается моего сердца, то оно принадлежит не мнѣ. Если бы я могла разлюбить, повѣрьте, я скорѣе послушалась бы вашей ласки, чѣмъ ужаснаго гнѣва отца или насмѣшекъ графини.“

Разставшись съ любимой воспитательницей, она получила отъ графа приказаніе одѣться въ нарядное платье, потому что онъ хотѣлъ, чтобы она поѣхала на придворный балъ. Передъ самымъ отъѣздомъ, онъ сказалъ ей: „Не забудь, что я хочу, чтобы ты танцевала и была весела.“ — „Я постараюсь казаться веселой, батюшка.“ Онъ намурилъ брови, но не посмѣлъ ничего сказать. Софи на самомъ дѣлѣ танцевала, и всѣ считали ее счастливой. Графу было безразлично, была ли она счастлива на самомъ дѣлѣ, лишь бы казалась счастливой. Базиль передалъ ей отвѣтъ Федора, гдѣ тотъ описывалъ свою радость, свое счастье, получивъ увѣренность въ своей судьбѣ. Она вздохнула и сказала брату: „Несчастный ничего не знаетъ о томъ что произошло съ тѣхъ поръ.“ Она разсказала ему различныя происшествія ночи и дня

jamais rien que vous ne puissiez approuver. Sans le consentement de mes parents je ne disposerai jamais de ma main. mais j'emploierai tout au monde pour l'obtenir. Quant à mon cœur, il n'est plus à moi. Si je pouvais cesser d'aimer croyez que votre tendresse l'eût bien plus sûrement obtenu que les fureurs de mon père et l'ironie de la Comtesse“.

Au moment où elle quittait cette gouvernante tant aimée, elle reçut l'ordre du Comte de faire une grande toilette parce qu'il voulait qu'elle allât au bal de la cour. Lorsqu'il fallut partir, il lui dit: N'oubliez pas que je veux que vous dansiez et que vous soyez gaie.“—„Ja tâcherai de le paraître, mon père“. Il fronça les sourcils, mais n'osa rien dire. En effet, Sophie dansa, on la jugea heureuse. Peu importait au Comte qu'elle le fût, pourvu qu'on la jugeât telle. Basile lui remit une réponse de Théodore, lui peignit sa joie, son bonheur, lorsqu'il eut l'assurance de son bonheur. Elle soupira et dit à son frère: Le malheureux ignore tout ce qui s'est passé depuis. Elle lui raconta alors les différentes scènes de la nuit et de la journée, et le pria de se charger d'une lettre qu'elle avait préparée pour son ami dans laquelle elle lui en faisait le détail.

Chapitre IX.

La situation de Sophie pendant six semaines que dura la retraite de Théodore fut des plus tristes: on la menait au bal, aux assemblées: toujours contrainte, elle devait paraître heureuse devant le monde. Le Comte l'accablait de caresses, et lorsqu'ils étaient seuls, s'il lui adressait la parole, ce n'était que pour lui dire du mal de Théodore. Tout ce qui auparavant lui plaisait le plus en lui et dont mille fois il avait fait l'éloge, à présent était devenu autant de ridicules, de défauts, de vices même. Cette figure si douce, si jolie, si fine, si ouverte, avec cela si expressive, ne peignait plus que la fatuité, la bêtise: cet air si noble, si calme, n'était plus que de l'insolence et de la fierté: sa politesse, si égale, si soutenu, n'était plus que de la bassesse: son regard, si honnête et si sûr, n'était que de l'arrogance: sa conduite, si parfaite à la mort de son père, sa douleur, si vraie, si bien sentie, n'étaient que faussetés pour cacher la joie d'avoir hérité et de se trouver son propre maître. Pauvre Sophie, comme elle souffrait d'entendre déchirer son jeune ami: mais ce qui la rendait bien véritablement malheureuse c'était le sentiment si nouveau pour elle de trouver un tort à son père, d'éprouver que cet enthousiasme, cette espèce de fanatisme qu'il lui avait toujours inspirée diminuait bien sensiblement, se perdait presque du

и попросила исполнить ея порученіе—передать ея другу письмо, въ которомъ она подробно все описала.

Глава IX.

Въ теченіе шестинедѣльнаго уединенія Федора положеніе Софи было самое печальное; ее возили на балы, на собранія; въ глазахъ свѣта она поневоля должна была казаться счастливой. Графъ надоѣдалъ ей своей нѣжностью, а когда они оставались одни, онъ говорилъ ей о Федорѣ одно плохое. Все, что ему раньше нравилось въ немъ и что онъ тысячу разъ хвалилъ, теперь было только смѣшно, полно недостатковъ и даже пороковъ. Это нѣжное, красивое, такое тонкое открытое и вмѣстѣ съ тѣмъ выразительное лицо, выражало теперь одно самодовольство, даже глупость; такой благородный, такой спокойный видъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ нахальствомъ и гордостью; его выдержка, его равная со всѣми вѣжливость стала низостью; его честный и прямой взглядъ сдѣлался высокомеріемъ; его поведеніе, вполне безукоризненное послѣ смерти отца, его искренняя, глубокая печаль были только притворствомъ, прикрывавшимъ радость по поводу того, что онъ получилъ наслѣдство и сталъ полнымъ хозяиномъ. Бѣдная Софи, какъ она страдала, слушая, какъ терзали имя ея молодого друга; но что дѣлало ея глубоко несчастной, такъ это новое для нея сознаніе, что отецъ неправъ, что ея восторженное, въ нѣкоторомъ родѣ фанатичное отношеніе къ нему значительно ослабѣло, стало даже исчезать съ той минуты, какъ она это сознала, какъ осмѣлилась судить его, когда увидѣла, что и онъ можетъ ошибаться; онъ показался ей самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, котораго она продолжала любить всѣми силами своей души, но къ которому не питала больше прежняго слѣпого, непоколебимаго довѣрія. Любовь къ музыкѣ была для Софи единственнымъ утѣшеніемъ, ея незаурядный талантъ льстилъ самолюбіе графа, ему нравилась ея игра и она цѣлые часы проводила за клавиномъ или за арфой. По крайней мѣрѣ тогда ее оставляли въ покоѣ. Каждый день она получала вѣсти отъ своего друга; съ своей стороны, она посвящала ему каждую свободную минуту.

Вотъ какъ проходила ея жизнь въ теченіи тѣхъ недѣль, которыя Федоръ проводилъ въ уединеніи и хотя не могъ ее видѣть, но былъ безпрестанно занятъ ею. Наконецъ эти показавшіяся ей вѣчностью шесть недѣль кончились, онъ появился при Дворѣ. Графъ Женитовскій былъ тамъ. Онъ былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ, и возвратясь домой, сказалъ дочери мягкимъ, очень ласковымъ, голосомъ: „Сегодня я видѣлъ при Дворѣ Федора. Бѣдный мальчикъ, какъ онъ измѣнился! Я думаю, что онъ дѣйствительно былъ очень привязанъ къ отцу. Чер-

moment qu'elle se l'avoua, qu'elle se permit de la juger, qu'elle vit qu'il pouvait se tromper; il ne lui parut plus qu'un homme ordinaire qu'elle chérissait toujours de toutes les facultés de son âme, mais à qui elle ne pouvait plus accorder cette aveugle confiance qu'elle avait toujours eue dans son infaillibilité. Le goût de Sophie pour la musique était son unique consolation, son talent très décidé flattait l'amour-propre du Comte, il se plaisait à l'entendre, elle passait des heures entières au clavecin et à la harpe. Au moins alors la laissait-on tranquille. Tous les jours elle avait des nouvelles de son ami: de son côté dès qu'elle pouvait attraper un moment elle le lui consacrait.

Voilà quelle fut son existence pendant le temps que Théodore renfermé chez lui ne pouvant la voir s'en occupait sans cesse. Enfin ces éternelles six semaines finirent, il parut à la Cour. Le Comte de Genitovskoy s'y trouvait, Il lui fit mille amitiés et à son retour chez lui il dit à sa fille, mais d'un ton très doux, très tendre: „J'ai vu Théodore ce matin à la Cour. Pauvre garçon. comme il est changé! Je crois que réellement il était très attaché à son père. Le noir lui va fort bien, il lui donne un air si intéressant. Je l'ai engagé à venir demain dîner chez moi. Ayez soin Sophie si vous faites de la musique pendant qu'il y sera de ne rien jouer de trop triste comme vous le faites toujours. Quand le coeur est rempli d'un sentiment douloureux la musique le nourrit, l'étend et le rend difficile à vaincre. Donc demain je ne vous permets tout au plus que les contredanses que vous avez dansées ensemble; ce sont des souvenirs agréables“.

Que dut penser Sophie et que pensa-t-elle? *)

Le 1-er de Janvier 1825.

Pour tes étrennes. je voulais te donner ce livre ainsi que ceux qui le précèdent. J'avais voulu en tête y mettre mon portrait telle que j'ai été lors de mon bonheur quand ton père m'aima. A la fin du roman

---

*) Ici se termine le chapitre IX: Si l'on tourne la page du manuscrit il est facile de constater que plusieurs pages manquent, puis vient une feuille laissée en blanc, puis suivent quatre pages que Madame Wadkovsky adresse à sa fille Madame Krivtsoff: Comment expliquer cette lacune? Doit-on supposer que c'est en cela que consiste la mutilation qui est mentionnée dans les lignes qui vont suivre ou bien doit-on penser que plus tard voulant cacher à la postérité quelques détails indiscrets une main amie a fait cette coupure? Je l'ignore: Ce que je puis affirmer c'est que depuis que je connais le manuscrit il a toujours été dans le même état où il se trouve aujourd'hui.

A. P.

ный цвѣтъ ему очень къ лицу, онъ придаетъ ему такой красивый видъ. Я пригласилъ его обѣдать къ намъ завтра. Если завтра при немъ займешься музыкой, Софи, постарайся не играть ничего особенно грустнаго, какъ ты всегда это дѣлаешь. Когда сердце полно печали, музыка поддерживаетъ его, укрѣпляетъ и дѣлаетъ устойчивѣе. Такимъ образомъ на завтра я разрѣшаю тебѣ играть только танцы, которые вы танцовали вмѣстѣ; это будетъ пріятнымъ воспоминаніемъ“

Что должна была подумать Софи; и что она думала?*)

1-ое Января 1825 года.

Я хотѣла подарить тебѣ на новый годъ эту книгу, также какъ и всѣ предъидущія. Я хотѣла помѣстить въ началѣ ея свой портретъ, на которомъ я изображена такою, какова я была въ то время какъ твой отецъ любилъ меня. Въ концѣ романа я хотѣла помѣстить свой портретъ въ томъ видѣ, какая я сейчасъ, когда я такъ сильно люблю тебя. Но увы! мастеръ который взялся это сдѣлать, напился; онъ испортилъ портретъ и эту книгу.

Ты ѣдешь въ гости къ моей золовкѣ Чернышевой, которая находится во Скарниковѣ. Такимъ образомъ 1-ое января 1825 года не будетъ считаться средь счастливыхъ дней моей жизни. Нѣтъ, драгоценное дитя мое, имѣть шестерыхъ дѣтей и быть одной въ Воронежѣ на самомъ дѣлѣ такъ грустно, что я и сказать не могу. Прощай, дочь моя, другъ мой, мое дорогое дитя. Я люблю тебя такъ, какъ никогда никого не любила. Благословляю тебя отъ всего своего сердца и молю небо, чтобы оно сохранило тебѣ твое дитя, но главное чтобы ты любила его болѣе разумно, чѣмъ это дѣлаю я, когда начинаю любить когонибудь. Прощай, Катя, моя Катя, мое драгоценное дитя. Благослови тебя Богъ, какъ благословляетъ старуха мать твоя, другъ твой, любящій тебя чрезвычайно.

Екатерина Вадковская.

---

*) Здѣсь кончается IX глава. Перевернувъ страницу рукописи, легко замѣтить, что не хватаетъ нѣсколькихъ страницъ, загѣмъ оставлепъ чистый листъ, потомъ идутъ четыре страницы, написанныя Вадковской къ ея дочери, Кривцовой. Чѣмъ объясняется этотъ пробѣлъ? Можно ли предполагать, что это то самое искаженіе, о которомъ упоминается въ послѣдующихъ строкахъ, или должно думать, что впоследствии какаянибудь дружеская рука сдѣлала такое сокращеніе, желая скрыть отъ потомства какіянибудь нескромныя подробности? Я не знаю. Я могу только утверждать, что съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ извѣстна эта рукопись, она была въ такомъ же точно видѣ, какъ въ настоящее время.

j'avais fait placer mon portrait telle que je suis à présent que je t'aime si bien. Mais hélas! l'ouvrier qui s'en était chargé a préféré se griser; il a abîmé le portrait et ce livre.

Toi, tu pars pour voir ma belle-sœur Czernichew qui est à Skarnikova. Ainsi mon 1-er de Janvier 1825 ne sera pas compté parmi les beaux jours de ma vie. Non, mon bien cher enfant, en avoir six et être seule et à Varonège est en vérité plus triste que je ne puis le dire. Adieu, ma fille, mon amie, enfant bien chérie. Je t'aime comme jamais je n'ai rien aimé. Je te bénis de toute la tendresse de mon coeur et demande au ciel qu'il te conserve ton enfant, mais que surtout tu l'aimes plus raisonnablement que je le fais quand je me mêle d'aimer. Adieu Catia, ma Catia, mon bien cher enfant. Благослови тебя Богъ, какъ благословляетъ старуха мать твоя, другъ твой, любящій тебя чрезвычайно.

Екатерина Вадковская.

